

СТАНИСЛАВ
ЛЕМ



Возвращение со звезд
Футурологический конгресс



✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Станислав Лем

**Возвращение со звезд.
Футурологический конгресс**

«Издательство АСТ»

1961, 1970

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Лем С. Г.

Возвращение со звезд. Футурологический конгресс / С. Г. Лем —
«Издательство АСТ», 1961, 1970 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-148881-9

«Возвращение со звезд». Антиутопия, которую заслуженно ставят в один ряд с такими знаковыми романами, как «451° по Фаренгейту» Рэя Брэдбери и «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли. Участник межзвездной экспедиции Эл Брегг возвращается на Землю через 127 лет после отлета и попадает в прекрасный новый мир. Мир, где нет старости, болезней, страха. Но за ширмой всеобщего благополучия Эл чувствует пустоту, отторгающую его как слишком настоящего и потому опасного чужака... «Футурологический конгресс». Чем надо поливать луга, чтобы от солнечных лучей из травы образовывался творог, и почему не стоит принимать от незнакомых девиц предложение «дрябнуть в субботу на притирочку»? Книга, без которой не существовало бы трилогии «Матрица». Книга, впервые опубликованная в далеком 1971 году и оказавшаяся почти неправдоподобно пророческой.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-148881-9

© Лем С. Г., 1961, 1970
© Издательство АСТ, 1961, 1970

Содержание

Возвращение со звезд[1]	6
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Станислав Лем
Возвращение со звезд.
Футурологический конгресс

© Stanislaw Lem, 1961, 1970

© Перевод. Е. Вайсброт, наследники, 2015

© Перевод. Р. Нудельман, 2015

© Перевод. К. Душенко, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Возвращение со звезд¹

I

Я не взял с собой ничего, даже плаща. Мне сказали, что это не нужно. Позволили оставить черный свитер: сойдет. А рубашку я отвоевал. Сказал, что буду отвыкать постепенно. В проходе, под нависшим днищем корабля, где мы стояли в толчее, Абс протянул мне руку и многозначительно улыбнулся.

– Только тише...

Об этом я и сам помнил. Осторожно сжал его пальцы. Я был совершенно спокоен. Он хотел еще что-то сказать. Я избавил его от этого, отвернувшись, словно ничего не заметил, и поднялся по ступенькам внутрь корабля. Стюардесса повела меня вперед между рядами кресел. Я не хотел отдельного купе. Успели ли ее предупредить об этом? Кресло бесшумно раздвинулось. Она поправила спинку кресла, улыбнулась мне и отошла. Я сел. Подушки были бездонно мягкие, как и всюду. Спинки такие высокие, что я еле видел других пассажиров.

К яркости женских нарядов я уже привык, но мужчин без всяких на то оснований все еще подозревал в маскараде и все еще питал робкую надежду, что увижу нормально одетого человека – жалкий самообман. Посадка закончилась быстро, ни у кого не было багажа. Даже портфеля или свертка. У женщин тоже. Женщин было как будто больше. Передо мной сидели две мулатки в накидках из взъерошенных перьев попугая. Видно, такая теперь была птичья мода. Дальше – какая-то супружеская пара с ребенком. После ярких селенофоров перрона и тоннелей, после невыносимо кричащей, фосфоресцирующей растительности на улицах свет вогнутого потолка казался еле тлеющим. Руки мне мешали, я пристроил их на коленях.

Все уже сидели. Восемь рядов серых кресел, ветерок, несущий запах хвои, стихающие разговоры. Я ожидал предупреждения о старте, каких-нибудь сигналов, приказа пристегнуться ремнями – ничего подобного, однако, не произошло. Какие-то неясные тени, словно силуэты бумажных птиц, поплыли назад по матовому потолку. «Что за чертовщина с этими птицами? – беспомощно подумал я. – Может, это что-нибудь означает?»

Я словно одеревенел от постоянного старания не сделать чего-нибудь неподобающего. Так было уже четыре дня. С первой минуты. Я неизменно отставал от событий, и постоянные усилия понять какую-нибудь беседу или ситуацию превращали это напряжение в чувство, близкое к отчаянию. Я был убежден, что и остальные чувствуют то же самое, но мы не говорили об этом, даже наедине. Мы только подшучивали над собственной мощью, над тем избытком сил, который у нас сохранился: ведь и впрямь приходилось все время быть начеку. Поначалу, например, пытаясь встать, я подпрыгивал до потолка, а любая взятая в руки вещь казалась мне пустой, бумажной. Но управлять собственным телом я научился быстро. Здороваясь, уже никому не причинял боли своим рукопожатием. Это было просто. Только, к сожалению, не так важно.

Слева от меня сидел плотный загорелый мужчина с неестественно блестящими глазами, возможно, от контактных линз. Внезапно он исчез: его кресло разросло, поручни поднялись вверх и соединились, образовав нечто вроде яйцевидного кокона. Еще несколько человек исчезло в таких же кабинах, похожих на разбухшие саркофаги. Что они там делали? Впрочем, с подобными загадками я сталкивался на каждом шагу и старался не показывать удивления, если они меня непосредственно не касались.

¹ Powrót z gwiazd, 1961 © Перевод. Е. Вайсброт, Р. Нудельман, 1965

Интересно, что к людям, которые пялили на нас глаза, узнав, кто мы такие, я относился довольно безразлично. Их изумление не задевало меня, хотя я сразу понял, что в нем нет ни капли восхищения. Раздражали меня скорее те, кто заботился о нас, – сотрудники Адапта. А больше всего, пожалуй, доктор Абс, потому что он обращался со мной, как врач с необычным пациентом, довольно удачно прикидываясь, что имеет дело как раз с вполне нормальным человеком. А когда притворяться становилось невозможно, он острил.

Мне надоели его остроты и притворная непосредственность. Любой встречный (так по крайней мере я полагал), если его спросить, признал бы меня или Олафа себе подобным – ведь не столько мы сами должны были казаться ненормальными, сколько наше прошлое, действительно необычное. Но доктор Абс, как и все в Адапте, знал, что и сами мы другие. В нашем отличии от других не было ничего почетного, оно было лишь помехой для понимания, для самого простого разговора, да что там – мы даже не знали, как теперь открывать двери, поскольку дверные ручки исчезли лет пятьдесят – шестьдесят назад.

Старт наступил неожиданно. Тяжесть не изменилась ни на йоту, ни один звук не проник в герметическую кабину, тени все так же мерно плыли по потолку – может быть, многолетний опыт, выработавшийся инстинкт внезапно подсказали мне, что мы находимся в пространстве, и это была уверенность, а не предположение.

Впрочем, меня занимало совсем другое. Уж слишком легко мне удалось настоять на своем. Даже Освамм не очень-то возражал. Доводы, которые выдвигали они с Абсом, были неубедительны, я сам мог бы придумать лучше. Они настаивали только на одном – что каждый из нас должен лететь отдельно. Они даже не ставили мне в вину то, что я подбил на эту поездку и Олафа (если б не я, он, наверно, согласился бы остаться у них подольше). Это наводило на размышления. Я ожидал осложнений, чего-то такого, что в самую последнюю минуту сведет весь мой план на нет, но ничего не произошло – и вот я лечу. Это последнее путешествие должно закончиться через пятнадцать минут.

Совершенно ясно: то, что я задумал, и то, как я добивался досрочного отъезда, не было для них неожиданностью. Подобные реакции, по-видимому, были внесены в их каталог, значились в их психотехнических таблицах под соответствующими номерами, как стереотип поведения, свойственный именно таким молодчикам, как я. Они позволили мне лететь – почему? Опыт подсказывал им, что я все равно не справлюсь сам? Ведь вся эта «самостоятельная» эскапада сводилась к перелету из одного порта в другой, где меня должен был ждать кто-то из земного Адапта, и все, что мне предстояло самому совершить, это отыскать нужного человека в условленном месте.

Что-то случилось. Послышались возбужденные голоса. Я выглянул из своего кресла. Женщина, сидевшая через несколько рядов от меня, оттолкнула стюардессу, и та, словно от этого не такого уж сильного толчка, пятилась по проходу медленно, как-то автоматически, а женщина повторяла: «Я не позволю! Пусть *это* ко мне не прикасается!» Лица женщины я не видел. Сопровождавший ее мужчина, схватив ее за руку, что-то успокаивающе говорил ей. Что означала эта сцена? Остальные пассажиры просто не обратили на нее внимания. В который уж раз меня охватило ощущение неимоверной отчужденности. Я поглядел снизу вверх на стюардессу. Она остановилась как раз возле моего кресла все с той же неизменной улыбкой. Девушка улыбалась искренне, явно не ради того, чтобы скрыть огорчение. Она не притворялась спокойной – она действительно была спокойна.

– Выпьете что-нибудь? Прум, экстран, морр, сидр?

Мелодичный голос. Я отрицательно покачал головой. Мне хотелось сказать ей что-нибудь приятное, но я решил всего лишь на банальный вопрос:

– Когда посадка?

– Через шесть минут. Съедите что-нибудь? Вам незачем спешить. Можно остаться и после посадки.

– Нет, благодарю.

Она отошла.

В воздухе, прямо перед глазами, на фоне спинки стоявшего передо мной кресла, возникла словно вырисованная быстрым движением кончика тлеющей папиросы надпись: **СТРАТО**. Я наклонился, чтобы посмотреть, откуда она взялась, и вздрогнул – спинка моего кресла последовала за мной и мягко обняла меня. Я уже знал, что мебель предупредительно реагирует на любое изменение позы, но все время забывал об этом. Это было неприятно – словно кто-то следил за каждым твоим движением. Я попробовал вернуться в прежнее положение, но, видно, сделал это слишком энергично. Кресло неправильно поняло мои намерения и раскрылось, совсем как кровать. Я вскочил. Что за идиотизм! Больше самообладания. Наконец уселся снова. Буквы розового **СТРАТО** задрожали и превратились в другие: **ТЕРМИНАЛ**. Никаких толчков, предупреждений, свиста. Раздался далекий звук, напоминавший рожок почтальона, четыре овальные двери в конце проходов между сиденьями широко распахнулись, и внутрь ворвался глухой, всепроникающий шум, словно гул моря. Голоса пассажиров бесследно потонули в этом шуме.

Я продолжал сидеть, а люди выходили. Один за другим мелькали на фоне льющегося снаружи света их силуэты – то зеленым, то пурпурным, то лиловым – настоящий бал-маскарад. Наконец все вышли. Я встал. Машинально одернул свитер. Как-то нелепо так идти, с пустыми руками. Из дверей тянул прохладный ветерок. Я обернулся. Стюардесса стояла у перегородки, не касаясь ее спиной. На лице ее застыла все та же радушная улыбка, обращенная теперь к пустым рядам кресел, которые начали неторопливо свертываться, складываться, словно какие-то мясистые цветы, одни быстрее, другие чуть медленней – и это было единственным, что двигалось под аккомпанемент плывущего через овальные двери всепроникающего протяжного шума, напоминавшего о море. «Не хочу, чтобы *это* ко мне прикасалось!» В улыбке вдруг почудилось мне что-то зловещее. Подойдя к двери, я сказал:

– До свидания...

– Всегда к вашим услугам.

Значение этих слов, таких странных в устах молодой красивой женщины, я осознал не сразу, лишь когда отвернулся и уже стоял в дверях. Я хотел поставить ногу на ступеньку, но трапа не было. Между металлическим корпусом и краем перрона зияла щель метровой ширины. Теряя равновесие от неожиданности, неловко прыгнул и уже в воздухе почувствовал, как меня будто подхватывает снизу какой-то невидимый поток, переносит через пустоту и мягко опускает на белую, упруго прогнувшуюся поверхность. Наверно, в полете у меня был довольно нелепый вид, потому что я поймал несколько веселых взглядов, брошенных в мою сторону. Я быстро повернулся и пошел вдоль перрона. Ракета, на которой я прилетел, лежала глубоко в выемке, отделенной от края перрона ничем не огороженной пустотой. Я словно невзначай приблизился к этой пустоте и снова почувствовал, как что-то упруго оттолкнуло меня от белого края. Я хотел было выяснить, где источники этой странной силы, и вдруг словно очнулся – ведь это уже Земля.

Поток людей увлек меня, я брел в толпе, меня толкали со всех сторон. Я даже не разглядел как следует, до чего громаден этот зал. Впрочем, был ли это один зал? Никаких стен, белый, сверкающий, взметенный ввысь размах неимоверных крыльев, между ними – колонны, созданные головокружительным смерчем. Что это? Стремящиеся вверх гигантские фонтаны какой-то густой жидкости, просвеченные изнутри разноцветными прожекторами? Нет. Вертикальные стеклянные тоннели, по которым проносились вверх вереницы расплывавшихся в стремительном полете машин? Я уже ничего не понимал. Меня непрерывно толкали, поворачивали, я пытался выбраться из этой муравьиной толчеи на свободное место, но свободного места не было. Я был на голову выше всех и потому смог увидеть, что опустевшая ракета удаляется, – впрочем, нет, это мы уплывали от нее вместе с перроном.

Вверху сверкали огни, в их блеске толпа искрилась и переливалась. Теперь площадка, на которой мы сгруппировались, начала подниматься, и я увидел далеко внизу двойные белые полосы, забитые людьми, и черные зияющие щели вдоль беспомощно застывших огромных корпусов ракет, подобных нашей. Их здесь были десятки. Движущийся перрон поворачивал, ускорял бег, подымался к верхним ярусам. По ним, как по немыслимым, лишенным всякой опоры виадукам, шелестя, взвивая внезапными вихрями волосы людей, пронеслись округлые, дрожащие от скорости тени со слившимися в сплошную светящуюся ленту сигнальными огнями; потом несущая нас поверхность начала разветвляться, делиться вдоль невидимых швов, моя полоса пронеслась сквозь помещения, заполненные сидевшими и стоявшими людьми, их окружало множество мелких искорок, будто они жгли разноцветные бенгальские огни.

Я не знал, куда смотреть. Передо мной стоял мужчина в чем-то пушистом, как мех, переливавшимся металлическим блеском. Он держал под руку женщину в пурпуре. Ее платье было усеяно огромными, как на павлиньих перьях, глазами, и эти глаза мигали. Нет, мне не показалось; глаза ее платья в самом деле открывались и закрывались. Полоса, на которой я стоял за этой парой среди еще десятка людей, все набирала скорость. За дымчато-белыми, стекловидными плоскостями то и дело возникали разноцветно освещенные проходы с прозрачными потолками, по которым неустанно шли сотни ног на следующем, верхнем этаже; всепроникающий шум то растекался, то сливался вновь, когда очередной тоннель этой неведомо куда ведущей дороги сдавливал тысячи людских голосов и непонятных лишь мне одному звуков; в глубине пространство прорезали мчащиеся полосы каких-то непонятных машин – быть может, летающих, – иногда они шли наискось вверх или устремлялись вниз, ввинчиваясь в пространство. Но нигде не видно было ни рельсов, ни несущих опор воздушной дороги. Когда же эти вихри останавливали на миг свой стремительный бег, из-за них появлялись огромные величественно-медлительные платформы, заполненные людьми, – словно парящие пристани, которые двигались в разных направлениях, расходились, поднимались и, казалось, пронизывали друг друга, но это было уже обманом зрения. Трудно было остановить взгляд на чем-нибудь неподвижном, потому что все кругом, казалось, состояло именно из движения, и даже то, что я сначала принял за крыловидный свод, оказалось лишь нависавшими друг над другом ярусами, над которыми теперь возникли другие, еще более высокие. Внезапно, просочившись сквозь стеклистые своды, сквозь эти загадочные колонны, отразившись от серебристо-белых плоскостей, заполыхало на всех изгибах пространства, на всех проходах, на лицах людей тяжелое, пурпурное зарево, как будто где-то далеко, в самом сердце гигантского здания запылал атомный огонь. Зеленый свет пляшущих без усталости неонов помутнел, молочные параболические контрфорсы порозовели. Этот багрянец, внезапно заполнивший все вокруг, казалось, предвещал катастрофу, но никто не обратил на него ни малейшего внимания. Я даже не заметил, когда он исчез.

У краев нашей полосы то и дело появлялись вращающиеся зеленые кольца, словно повисшие в воздухе неоновые обручи; тогда часть людей переходила на подплывающие ответвления другой полосы или лестницы; я заметил, что сквозь зеленые кольца этого огня можно было проходить свободно, словно они были нематериальны.

Некоторое время я безвольно позволял белой дорожке уносить меня все дальше, затем вдруг подумал, что я, быть может, уже за пределами порта и этот неправдоподобный пейзаж изогнутого, словно рвущегося в полет стекла и есть уже город, а тот город, который я когда-то покинул, существует лишь в моей памяти.

– Простите, – я коснулся плеча стоявшего впереди мужчины, – где мы находимся?

Мужчина и его спутница посмотрели на меня. Их поднятые ко мне лица выразили удивление. Я все же надеялся, что причиной тому только мой рост.

– На полидуке, – сказал мужчина. – Какой у вас стык?

Я не понял ни слова.

– Мы... еще в порту?

– Конечно, – сказал он, помедлив.

– А где... Внешний Круг?

– Вы его уже пропустили. Придется дублить.

– Лучше раст из Мерида, – вмешалась женщина. Казалось, все глаза ее платья подозрительно и удивленно вглядывались в меня.

– Раст? – повторил я беспомощно.

– Вон там... – Она показала туда, где сквозь подплывающий зеленый круг просвечивало пустое возвышение с серебряно-черными полосатыми боками, похожее на корпус странно размалеванной, лежащей на боку ракеты. Я поблагодарил и сошел с дорожки, но, видимо, не там, где полагалось, потому что резкий толчок едва не опрокинул меня. Мне удалось удержаться на ногах, но меня так закрутило, что я не знал, куда идти. Пока я размышлял, как быть, место моей пересадки далеко отошло от серебряно-черного возвышения, на которое показывала женщина, и я уже не мог его отыскать. Большинство людей, стоявших рядом, переходило на наклонную полосу, устремлявшуюся вверх, и я сделал то же самое. Уже став на полосу, я увидел огромную, неподвижно плававшую в воздухе надпись: **ДУК ЦЕНТР** – буквы были такие громадные, что начало и конец надписи не умещались в поле зрения. Меня бесшумно вынесло на гигантский, чуть ли не километровый перрон, от которого как раз отделялся веретенообразный корабль. По мере того как он поднимался, становилось все виднее его продырявленное освещенными окнами днище. Кто знает, может быть, именно этот корабль-левиафан и был перроном, а я находился на «расте» – даже спросить было некого, вокруг было безлюдно. Видно, я попал не туда. Часть моего «перрона» была застроена какими-то сплюснутыми помещениями без передних стен. Подойдя, я увидел что-то вроде низких, слабо освещенных боксов, в которых рядами стояли черные машины. Я принял их за автомобили. Не успел я отойти, как две ближайшие ко мне машины выдвинулись из своих ниш и обошли меня, с места развивая огромную скорость, – и прежде чем они исчезли вдаль на параболических склонах, я увидел, что у них нет ни колес, ни окон, ни дверей. Они казались обтекаемыми, как огромные черные капли. «Автомобили или нет – во всяком случае, какая-то стоянка, – подумал я. – Может быть, как раз тех самых «растов»?» По-видимому, лучше всего было обождать, пока не появится кто-нибудь, и отправиться вместе с ним или по крайней мере что-нибудь разузнать. Однако мой перрон, слегка приподнятый, словно крыло невиданного самолета, продолжал оставаться безлюдным, и лишь черные машины одна за другой вырывались из своих ниш и уносились в одну и ту же сторону. Я подошел к самому краю перрона, и упругая невидимая сила снова оттолкнула меня. Перрон и впрямь висел в воздухе, ни на что не опираясь. Подняв голову, я увидел множество таких же перронов, так же неподвижно парящих в пространстве, слабо освещенных; на других перронах, к которым швартовались ракеты, сверкали большие сигнальные лампы. Но нет – это были не ракеты. Это даже не походило на тот корабль, который доставил меня сюда с Луны.

Я стоял долго, пока не увидел, как на фоне каких-то следующих залов (впрочем, не могу с уверенностью сказать, что это были не зеркальные отражения того зала, в котором я стоял) мерно поплыли в воздухе огненные буквы **СОАМО СОАМО СОАМО**. Перерыв, голубоватая вспышка и потом **НЕОНАКС НЕОНАКС НЕОНАКС** – быть может, названия станций или реклама продуктов. Мне это ни о чем не говорило. «Сейчас как раз самое время. Мне давно пора найти этого парня из Адапта», – подумал я, повернулся на каблуках, отыскал идущую в обратную сторону дорожку и спустился вниз. Я оказался совсем не на том ярусе и даже не в том зале, где был раньше, – здесь не было тех огромных колонн. Впрочем, может быть, эти колонны куда-нибудь исчезли, мне уже все казалось возможным.

Я очутился среди целой рощи фонтанов, потом попал в бело-розовый зал, где толпились женщины. Проходя мимо одного из фонтанов, я от нечего делать сунул руку в его подсвеченную струю – может, потому, что приятно было встретить что-нибудь хоть немного знакомое.

Но рука не ощутила ничего, эти фонтаны были без воды. Потом мне почудился запах цветов. Я поднял руку – она пахла, как тысяча кусков туалетного мыла сразу. Я невольно начал вытирать ее о брюки. Это было как раз перед залом, где находились женщины, одни только женщины. На коридор перед туалетом это не походило. Впрочем, разве тут разберешься? Спрашивать не хотелось. Я повернул обратно. Какой-то юноша, одетый так, словно на нем застыла растекшаяся по телу ртуть, раздувшаяся буфами – или вспенившаяся? – на плечах и в обтяжку на бедрах, разговаривал со светловолосой девушкой, прислонившейся к чаше фонтана. Девушка в светлом платье, совершенно обычном – что приободрило меня, – держала в руках букет бледно-розовых цветов и, пряча в них лицо, глазами улыбалась юноше. Но, остановившись возле них и уже открыв рот, я увидел вдруг, что она ест эти цветы – и на миг у меня перехватило дыхание. Она спокойно жевала нежные лепестки. Ее взгляд скользнул по мне. Застыл. Но к этому я уже привык. Я спросил, где находится Внешний Круг.

Мне показалось, что юношу неприятно удивило или даже разозлило, что кто-то осмелился прервать их беседу. Видно, я совершил бестактность. Он посмотрел вверх, потом опустил глаза, словно думая, что разгадка моего роста в каких-то ходулях. И даже не ответил.

– О, вон там, – воскликнула девушка, – раст на вук, ваш раст, быстрее, вы еще успеете!

Я пустился бегом в указанную сторону, сам не зная куда, ведь я по-прежнему понятия не имел, как выглядит этот проклятый раст. Пробежав шагов десять, я увидел серебристую воронку, спускающуюся сверху, основание одной из тех огромных колонн, которые так поразили меня, – неужели это были летающие колонны? – люди спешили туда со всех сторон, и внезапно я столкнулся с кем-то на бегу. Я даже не покачнулся, лишь остановился как вкопанный, но тот, приземистый толстяк в оранжевом костюме, упал, и с ним произошло нечто невероятное: его костюм завял на глазах, съежился, как проколотый воздушный шарик. Я стоял над ним, совершенно ошеломленный, не в силах даже пробормотать извинения. Он поднялся, посмотрел на меня исподлобья, но ничего не сказал, отвернулся и отошел широким шагом, манипулируя руками перед грудью, – костюм его снова как бы наполнился и стал красивым.

На том месте, которое указывала девушка, уже никого не было. После этого приключения я махнул рукой на поиски всех этих растов, дуков, стыков, Внешнего Круга и решил выбраться из порта. Приобретенный опыт не располагал к разговорам с прохожими, поэтому я поехал наугад – вверх, вслед за голубой, наискось проведенной стрелой, без особых волнений пронизав собственным телом одну за другой две пламенеющие в воздухе надписи: **ВНУТРЕННИЕ ЛИНИИ**. Я попал на эскалатор, довольно многолюдный. Следующий этаж был выдержан в приглушенных бронзовых тонах с прожилками в виде золотых восклицательных знаков. Плавные переходы потолков и вогнутых стен. Коридоры, лишённые сводов, словно тонущие наверху в светящемся пухе. Стало казаться, что близко жилые помещения, все окружающее чем-то напоминало систему гигантских залов какой-нибудь гостиницы: оконца, никелированные трубы вдоль стен, ниши, где сидели какие-то чиновники, – не то обменные пункты, не то почта, не знаю, я шел дальше. Теперь я был почти уверен, что эта дорога не выведет меня к выходу и что, судя по длительности подъема, я нахожусь уже в надземной части порта. Несмотря на это, я продолжал идти в том же направлении. Неожиданное безлюдье, малиновые плиты с искрящимися звездочками, шеренги дверей. Ближайшая дверь была приоткрыта. Я заглянул. Одновременно со мной с противоположной стороны заглянул какой-то огромный плечистый человек – я сам в зеркале во всю стену. Я распахнул дверь. Фарфор, серебристые трубки, никелировка. Туалет.

Хотелось смеяться, но в общем я чувствовал себя довольно глупо. Я быстро повернул обратно – другой коридор, молочно-белые дорожки, плывущие вниз. Поручни эскалатора мягкие, теплые, я не считал уходящие этажи, людей становилось все больше, они останавливались возле покрытых эмалью ящиков, выраставших из стен на каждом шагу, – прикосновение пальца, что-то падало в руку, они прятали это в карман и шли дальше. Не знаю зачем – я сделал

точно то же, что шедший впереди человек в просторном фиолетовом одеянии: нажал кончиком пальца на едва заметную вогнутость клавиша, прямо в подставленную руку упала цветная, теплая полупрозрачная трубка. Я потряс ее, поднес к глазам – какие-то пилюли? Нет. Пробка? Нет, никакой пробки не было. Зачем это? Что с этим делали другие? Просто прятали в карман. На автомате надпись: **ЛАРГАН**. Я стоял, меня толкали. Внезапно я показался сам себе обезьяной, которой протянули авторучку или зажигалку; на мгновение мною овладело слепое бешенство; я сжал зубы, сощурил глаза и, чуть сгорбившись, включился в текущий мимо поток. Коридор расширялся, это уже был зал. Огненные буквы: **РЕАЛ АММО РЕАЛ АММО**.

Сквозь суетящуюся толпу, поверх голов, я увидел издали окно. Первое окно. Огромное, панорамное.

Словно вся глубина ночи раскинулась на одной плоскости. Из светящегося тумана по самый горизонт – разноцветные галактики площадей, скопления спиральных огней, дрожащее зарево над небоскребами; на улицах копошение, извилистое ползание светящихся бусинок, и над всем по вертикалям – хаотическая пляска неонов, огненные плюмажи и молнии, кольца, самолеты и бутылки, багровые одуванчики сигнальных огней на причальных мачтах, вспыхивающие на миг солнца и выпрыгивающие с механической стремительностью огненные жилы реклам.

Я застыл и смотрел, слыша за собой мерное шарканье сотен ног. Внезапно город исчез и появилось огромное трехметровое лицо.

– Мы передавали монтаж хроники семидесятых годов из цикла «Виды старых столиц». Сейчас Траппстель начинает передачу из школы космолитов...

Я почти бежал. Это было не окно, а какой-то огромный телевизор. Я ускорял шаги. Немного вспотел. Вниз! Скорее вниз! Золотые квадраты света. Внутри – толпы людей, пена в стаканах, почти черная жидкость, нет, нет, не пиво, поблескивает ядовито-зеленым, и молодежь, парни и девушки, в обнимку, вшестером, по восемь сразу, перегораживая коридор, шли на меня, им приходилось разнимать руки, чтобы меня пропустить. Меня тряхнуло. Оказывается, сам того не заметив, я вступил на движущуюся дорожку. Совсем близко мелькнули удивленные глаза – красивая темноволосая девушка в чем-то блестящем, как фосфоресцирующий металл. Ткань облегла ее, она казалась нагой. Лица – белые, желтые, несколько высоченных черных парней, но я был по-прежнему выше всех. Передо мной расступались. Вверху, за выпуклыми стеклами, мелькали неясные тени, играли невидимые оркестры, а здесь продолжался этот странный променад. В темных коридорах – безликие фигуры женщин, светились только припорошенные блестками волосы да пух, прикрывавший их плечи, – только шеи белели в нем, как странные белые стебли. Фосфоресцирующая пудра?..

Узкий проход вел в галерею каких-то гротескных – подвижных, даже вертялых – статуй; коридор широкий, как улица, с приподнятыми краями, гудел от смеха. Что их так веселило? Эти статуи?

Огромные фигуры в лучах прожекторов источали густое, как сироп, медовое, рубиновое, насыщенное цветом сияние. Я шел, сощутив глаза. Крутой зеленый коридор, павильончики, пагоды с переброшенными к ним мостиками, полным-полно ресторанчиков, острый, назойливый запах жареного, брэнчание стекла, повторяющиеся металлические звуки. Толпа, втянувшая меня сюда, смешалась с другой толпой, потом стало просторней, все садились в открытый настежь вагон, нет, он просто был прозрачный, словно отлитый из стекла, даже сиденья стеклянные и все-таки мягкие. Незаметно для себя я очутился внутри него; мы уже мчались. Вагон летел, люди перекрикивали громкоговоритель, повторявший: «Меридионал, Меридионал, стыки на Спиро, Атэйл, Блэкк, Фросом». Весь вагон словно таял, пронизанный светом; за стенами проносились огненные цветные полосы, параболические арки, белые перроны. «Фортеран, Фортеран, стыки Гале, стыки внешних растов, Макра», – бормотал микрофон. Вагон останавливался и мчался дальше. Удивительное дело: ни торможение, ни ускорение не ощу-

щались, словно инерция была уничтожена. Как же так? Я проверил это на трех очередных остановках, чуть подгибая ноги в коленях. На поворотах тоже ничего. Люди выходили, входили, на передней площадке появилась женщина с собакой – в жизни такого пса не видел. Он был огромный, с шарообразной головой, очень некрасивый, в его светло-карих спокойных глазах отражались уносящиеся назад микроскопические гирлянды огней. **РАМБРЕНТ, РАМБРЕНТ.** Замелькали синеватые и белесые светящиеся трубки, лестницы, отливающие кристаллическим блеском, черные фонтаны, постепенно блеск застывал, каменея, вагон остановился. Я вышел и растерялся. Над амфитеатром перрона вздымалось многоэтажное знакомое сооружение – все тот же космопорт, другое место того же самого гигантского зала, разделенного крыльями белых плоскостей. Я подошел к краю геометрически правильной чаши перрона – вагон уже отошел – и испытал очередное потрясение: я находился не внизу, как полагал, а, наоборот, очень высоко, этажах в сорока над проносившимися в бездне лентами дорожек, над серебряными палубами мернодвигающихся перронов. В их расщелины вползали продолговатые молчаливые громады, и шеренги люков выбрасывали наружу людей, как будто эти чудовища, эти хромированные рыбыны откладывали на перрон на равных расстояниях кучки золотой и черной икры. И над всем этим, далеко, как сквозь дымку, я различал ползущие по невидимой строчке сверкающие буквы:

ГЛЕНИАНА РУН, ВОЗВРАЩАЮЩАЯСЯ СЕГОДНЯ СО СЪЕМОЗАПИСИ МИМОРФИЧЕСКОГО РЕАЛА, ВОЗДАСТ В ОРАТОРИИ ЧЕСТЬ ПАМЯТИ РАППЕРА КЕРКСА ПОЛИТРЫ. ГАЗЕТА «ТЕРМИНАЛ» СООБЩАЕТ. СЕГОДНЯ В АММОНЛИ ПЕТИФАРГ ДОБИЛСЯ СИСТОЛИЗАЦИИ ПЕРВОГО ЭНЗОМА. ГОЛОС ЗНАМЕНИТОГО ГРАВИСТА МЫ БУДЕМ ПЕРЕДАВАТЬ В ДВАДЦАТЬ СЕМЬ ЧАСОВ. РЕКОРД АРРАКЕРА. АРРАКЕР ПОДТВЕРДИЛ СВОЕ ЗВАНИЕ ПЕРВОГО ОБЛИТИСТА СЕЗОНА НА ТРАНСВААЛЬСКОМ СТАДИОНЕ.

Я отошел. Значит, даже счет времени изменился. Огромные буквы, как шеренги пылающих канатоходцев, плыли над морем голов, в их свете женские одежды внезапно вспыхивали холодным металлическим блеском. Я шел, ничего не замечая, а во мне все звучали слова: «Значит, даже счет времени изменился». Это добило меня. Хотелось только одного: выйти отсюда, выбраться из этого дьявольского космопорта, очутиться под открытым небом, на воле, увидеть звезды, ощутить ветер.

Меня привлекла аллея продолговатых огней; замкнутый в прозрачном алебастре потолка острый язычок пламени выписывал какие-то слова: **ТЕЛЕТРАНС ТЕЛЕПОРТ ТЕЛЕ-ТОН**; стрельчатая арка входа – невероятная, лишенная опор арка, словно перевернутый нос ракеты, – вела в зал, крытый окаменевшим золотым пламенем. В нишах стен – сотни кабинок, люди вбегали в них, поспешно выбегали, швыряли на пол обрывки лент, нет, не телеграфных, каких-то иных, с выдавленными на них бугорками, другие ступали по этим обрывкам. Я попробовал выйти, по ошибке забрел в темную нишу, не успел отступить, что-то забречало, вспышка, будто фотолампа, и из щели, окаймленной металлом, как из почтового ящика, выпал сложенный вдвое листок блестящей бумаги. Я взял его, развернул, из него выскочила человеческая голова с полураскрытыми, слегка искривленными тонкими губами, уставилась на меня, сощулив глаза: это был я сам. Я снова сложил листок, и объемное видение исчезло. Я осторожно начал раскрывать его – ничего; шире – изображение появилось опять, как будто выпрыгнуло из ниоткуда, – без тела, висящая над листком голова с глуповатым выражением лица. Я всматривался в нее – что это такое, объемная фотография? Потом сунул листок в карман и вышел.

Золотой ад, огненная лава потолка, иллюзорная, но пышущая настоящим пожаром, казалось, низвергалась на головы толпы, но никто не смотрел вверх, все хлопотливо бежали из одних кабинок в другие, в глубине прыгали зеленые буквы, колонки цифр сползали по узким

экранам; еще кабины, вместо дверей жалюзи, стремительно свертывающиеся при чем-либо приближении, – наконец-то я нашел выход.

Изогнутый коридор; наклонный, как в театре, пол, на стенах – стилизованные букеты раковин, сверху стремительно проносились слова: **ИНФОР ИНФОР ИНФОР**, бесконечно.

Впервые я увидел **ИНФОР** на Луне и принял его за искусственный цветок.

Я приблизил лицо к салатовой чаше, она мгновенно, еще ничего от меня не услышав, застыла в ожидании.

– Как мне выйти? – не очень-то вразумительно спросил я.

– Куда? – тотчас откликнулся теплый алыт.

– В город.

– В какой район?

– Безразлично.

– На какой уровень?

– Все равно, я хочу выйти из порта!

– Меридионал, расты: сто шесть, сто семнадцать, ноль восемь, ноль два. Тридукт, уровень АФ, АЖ, АЦ, уровень окружных мигов, двенадцать и шестнадцать, уровень надир в любом южном направлении. Центральный уровень – глiders, красный – местный, белый – дальний А, Б и В. Уровень ульдеров прямого сообщения, все шкалы с третьей и выше... – мелодично перечислял женский голос.

Мне хотелось вырвать из стены этот микрофон, так заботливо склонившийся ко мне. Я отошел. «Идиот! Идиот!» – отзывался во мне каждый шаг. **ЭКС ЭКС ЭКС ЭКС**, твердила проползавшая вверху, обрамленная лимонно-желтым туманом надпись. Может быть, «Эксит»? «Выход»?

Огромная надпись: **ЭКСОТАЛ**. Стремительно налетел поток теплого воздуха, даже штанины захлопали. Я оказался под открытым небом. Но мрак ночи сразу же отпрянул, отесненный бесчисленными огнями. Огромный ресторан – столики, сверкавшие всеми цветами радуги; над ними – освещенные снизу, чуть жутковато, лица в глубоких тенях. Низкие кресла, черная жидкость с зеленой пеной, лампионы, сыплющие мелкие искры, нет, вроде светлячков – волны пылающей мошкары.

Хаос огней затмевал звезды. Подняв голову, я увидел лишь черную пустоту над собой. И все-таки удивительно, в эту минуту ее слепое присутствие приободрило меня. Я остановился, почувствовав запах духов, резкий и в то же время нежный. Мимо скользнула пара. Плечи и грудь девушки тонули в пушистом облаке, она укрылась в объятиях мужчины: они танцевали. «Еще танцуют, – подумал я. – И то хорошо». Пара сделала лишь несколько шагов, тусклый, отливающий ртутью круг поднял танцующих, темно-красные их тени мерно шевелились под его огромной, медленно вращавшейся плитой, она была без опор, даже без оси, просто кружилась в воздухе под звуки музыки. Я побрел среди столиков. Мягкий пластик под ногами оборвался, упираясь в шершавую скалу. Сквозь световой занавес я вошел внутрь и оказался в скалистом гроте. Словно множество готических нефов, сооруженных из сталактитов, жилистые натеки сверкающих камней охватывали выходы из пещеры. Там, свесив ноги с обрыва, сидели люди. Возле их колен покачивались слабые огоньки. Внизу простиралось невозмутимое черное зеркало озера, отражая нагромождения скал. На сколоченных кое-как плотиках тоже сидели люди, все лица были обращены в одну сторону. Я спустился к самой воде и увидел на песке, по ту сторону, танцовщицу. Она казалась нагой, но белизна ее тела была неестественной. Мелкими неуверенными шажками она подошла к воде, отразилась в ней, внезапно развела руки, поклонилась – это был конец, но никто не аплодировал, она стояла мгновение неподвижно, потом медленно пошла вдоль воды по неровной линии берега. Она была шагах в тридцати от меня, как вдруг с ней что-то произошло. Мгновение назад я еще видел ее усталое, улыбающееся лицо, и вдруг как будто что-то заслонило ее, силуэт задрожал и исчез.

– Не угодно ли плаву? – раздался сзади предупредительный голос.

Я обернулся – никого, только круглый столик, смешно перебиравший согнутыми ножками; он переминался, бокалы с шипучкой, стоявшие на боковых подносиках, дрожали – одна лапка услужливо подсовывала мне бокал, другая уже тянулась за тарелкой, похожей на маленькую, вогнутую палитру с дырочкой для пальца сбоку. Автоматический столик, за стеклом центрального оконца я видел тлеющий огонек его транзисторного сердца.

Я увернулся от этих услужливо протянутых ко мне членистых ручек, от лакомств и быстро вышел из искусственного грота, стиснув зубы, словно мне нанесли непонятное оскорбление. Прошел через всю террасу мимо причудливо расставленных столиков, сквозь аллеи лампионов, обсыпaeмый невесомой пылью распадающихся, догорающих в воздухе черных и золотых светлячков. У самого края, выложенного замшелыми камнями, я почувствовал наконец настоящий, холодный, чистый ветер. Рядом стоял свободный столик. Я уселся за него, не очень удобно, спиной к людям, глядя в ночь. Внизу, неожиданная и бесформенная, простиралась темнота, и только далеко, очень далеко, на самом горизонте тлели слабые, зыбкие огоньки, какие-то неуверенные, словно это и не электричество было, а еще дальше в небо вонзались холодные тонкие шпаги света, не знаю, то ли дома, то ли какие-то колонны, их можно было принять за лучи прожекторов, если б они не были подернуты мелкой сеткой – так выглядел бы вбитый основанием в землю и уходящий в облака стеклянный цилиндр, слой за слоем заполненный выпуклыми и вогнутыми линзами. По-видимому, они были невероятной высоты, вокруг них роились какие-то огоньки, то вспыхивая, то угасая, так что по временам их охватывал слабый оранжевый, а иногда почти белый ореол. И это все, и это был город; я пытался отыскать улицы, угадать их, но мрачная и, казалось, мертвая пустыня внизу простиралась во все стороны, не освещенная ни единым проблеском света.

– Коль? – услышал я слово, произнесенное, видно, уже не в первый раз, но лишь теперь понял, что обращались ко мне.

Кресло повернулось раньше, чем я. Передо мной стояла девушка лет двадцати, в голубом, плотно облегавшем ее наряде, плечи и грудь тонули в темно-синем меху, который книзу становился все прозрачнее; красивое, гибкое тело напоминало статуэтку из дышащей бронзы. Что-то светящееся, большое закрывало мочки ушей; маленький, растерянно улыбающийся рот, крашенные губы, ноздри тоже красные изнутри – я уже успел заметить, что именно так красится большинство женщин. Схватившись обеими руками за спинку стоявшего напротив кресла, она воскликнула:

– Что с тобой, коль?

Присела.

Мне показалось, что она немного пьяна.

– Здесь скучно, – заговорила она, помолчав. – Правда? Давай махнем куда-нибудь, коль?

– Я не коль... – начал было я.

Поставив локти на столик, она бесцельно проводила рукой над налитым до половины бокалом, так что кончик золотой цепочки, наверху на ее пальцы, погрузился в жидкость. Она качалась и наклонялась все ниже. Я почувствовал ее дыхание. Если она и была пьяна, то вряд ли от вина.

– Как же так? – сказала она. – Ты коль. Должен быть. Каждый ведь коль. Махнем, а? Хоть бы знать, что это означает?

– Хорошо, – ответил я.

Она встала. Встал и я с этого чертовски низенького кресла.

– Как это у тебя получается? – спросила она.

– Что?

Она посмотрела на мои ноги.

– Я думала, ты стоишь на цыпочках...

Я молча усмехнулся. Она подошла ко мне, взяла под руку и снова удивилась:

– Что у тебя там такое?

– Где? Здесь? Ничего.

– Поешь, – сказала она и чуть подтолкнула меня.

Мы пошли между столиками, а я размышлял, что бы это значило, «поешь», – может, «сочиняешь»?

Она подвела меня к темно-золотой стене, где светился знак, отдаленно напоминавший скрипичный ключ. Стена раздвинулась, когда мы подошли. Я ощутил дуновение горячего воздуха.

Узкий серебряный эскалатор уходил вниз. Мы стояли рядом. Она не доставала мне до плеча. Круглая кошачья головка, черные, с голубым отливом волосы, профиль, быть может, несколько резкий, но красивый. Вот только эти пурпурные ноздри... Она крепко держала меня тоненькой рукой, зеленые ногти глубоко впились в плотную материю свитера. Я невольно усмехнулся, самым краешком рта, припомнив, где побывал этот свитер и как мало общего он имел до сих пор с женскими ногтями. Пройдя под крутым сводом, который, словно дыша, переливался из розового в карминовый, из карминового в розовый цвет, мы вышли на улицу. Точнее, я подумал, что это улица, но темнота над нами действительно таяла с каждым шагом, словно близился стремительный рассвет. Поодаль проплывали продолговатые низкие силуэты, как будто автомобили, но я уже знал, что автомобилей нет. Это, по-видимому, было что-то другое. Будь я один, я отправился бы по этой широкой магистрали, потому что вдали светилась надпись: **В ЦЕНТР**; только, наверно, это совсем не означало центра города. Впрочем, я все равно разрешил себя вести. Чем бы ни кончилось это приключение, я нашел провожатого, и мне вспомнился – теперь уже беззлобно – тот горемыка из Адапта, который сейчас, спустя три часа после моего прилета, должно быть, мечется в поисках по этому городу-порту от одного Инфора к другому.

Мы миновали несколько почти опустевших ресторанов, прошли мимо витрин, в которых группа манекенов непрерывно повторяла одну и ту же сцену, и я охотно остановился бы поглядеть на них, но девушка шла быстро, постукивая каблучками, и вдруг воскликнула, увидев неоновое лицо с пульсирующим румянцем, которое все время облизывалось комично высунутым языком.

– О, бонсы! Хочешь бонс?

– А ты? – спросил я.

– Кажется, да.

Мы вошли в маленький сверкающий зал. Вместо потолка там тянулись длинные ряды огненных язычков, вроде газовых, сверху хлынул теплый воздух, – наверное, это и вправду был газ. В стенах виднелись небольшие ниши с пюпитрами; когда мы подошли к одной из них, по обеим сторонам выдвинулись сиденья, будто выросли из стены, сначала неразвернутые, как бутоны, они распластались в воздухе и, прогнувшись, застыли. Мы уселись друг против друга, девушка ударила двумя пальцами по металлической крышке столика, из стены выпрыгнула никелированная лапка, бросила перед каждым из нас маленькую тарелочку и двумя молниеносными движениями наполнила обе тарелочки белесоватой массой, которая тут же начала бронзоветь, вспенилась и застыла; одновременно потемнели и сами тарелочки. Девушка свернула свою тарелочку, как блинчик, и принялась есть.

– О, – проговорила она набитым ртом, – я и не подозревала, что так проголодалась.

Я последовал ее примеру. Бонс не походил по вкусу ни на что знакомое. Он хрустел на зубах, как свежеевыпеченная булка, но тут же рассыпался и таял во рту; коричневая масса, завернутая в него, была приправлена острыми специями.

– Еще? – спросил я, когда она справилась со своим бонсом.

Она улыбнулась, покачав головой. Проходя к выходу, она сунула по дороге обе руки в маленькую нишу, выложенную кафелем, – внутри что-то шумело. Я сделал то же самое. Щеко-чущий ветерок скользнул по пальцам; руки стали чистыми и сухими.

Теперь мы отправились по широкому эскалатору вверх. Я не знал, вышли ли мы из порта, но предпочитал не спрашивать. Она провела меня в небольшую кабину – здесь было темновато, казалось, что над нами проносятся какие-то поезда, так дрожал пол. На мгновение стало совершенно темно, глубоко под нами что-то тяжело вздохнуло, словно металлическое чудовище с шумом выпустило воздух из легких, посветлело, девушка толкнула дверь.

Это, пожалуй, была настоящая улица. Мы были на ней совершенно одни. Невысокие подстриженные кусты росли по обеим сторонам тротуара, немного дальше сгрудились плоские черные машины, какой-то человек вышел из темноты, скрылся за одной из них – не видно было, как он открывал дверцу, он попросту исчез, а машина рванула с места на такой скорости, что его должно было бы расплющить на сиденье; не видно было домов, одна только гладкая как стол проезжая часть, покрытая полосами матового металла; на перекрестках, паря над мостовой, двигались лезвия оранжевого и красного света, похожие на свет военных прожекторов.

– Куда пойдем? – спросила девушка. Она все еще держала меня под руку. Замедлила шаги. Полоса красного света скользнула по ее лицу.

– Куда хочешь.

– Тогда идем ко мне. Не стоит брать глiders. Это близко.

Мы двинулись прямо. Домов по-прежнему не было видно, а ветер, летящий из темноты, из-за кустов, был такой, словно там расстиралось открытое поле. Возле космопорта, в самом центре? Странно. Ветер нес слабый запах цветов, я жадно вдыхал его. Черемуха? Нет, не черемуха.

Потом мы оказались на движущейся дорожке; встали рядом – странная пара. Проплывали огни, иногда проскальзывали машины, словно отлитые из цельного куска черного металла, у них не было ни окон, ни колес, ни даже огней, и мчались они словно вслепую, с необычайной скоростью. Те движущиеся лезвия света били из узких вертикальных щелей, расположенных низко над землей. Я никак не мог разобраться, имеют ли они что-нибудь общее с уличным движением и его регулировкой.

Время от времени высоко над нами, в невидимом небе, нарастал и затихал тоскливый свист. Девушка внезапно сошла с плывущей полосы только затем, чтобы перейти на другую, которая помчалась круто вверх. Я вдруг взлетел куда-то высоко, воздушная поездка длилась с полминуты и закончилась на площадке, полной слабо пахнущих цветов, – мы будто по при-ставленному к стене конвейеру поднялись на террасу или балкон погруженного в темноту дома. Девушка вошла в глубину этой лоджии, а я, уже свыкшись с темнотой, улавливал в ней огром-ные силуэты соседних домов, лишенных окон, темных, словно вымерших, потому что не хва-тало не только света – не было слышно ни малейшего звука, кроме резкого шипения, с которым проносились по улице эти черные машины; после неоновой оргии космопорта меня поражало это, по-видимому, нарочитое затемнение и отсутствие неоновых реклам, но размышлять было некогда. «Где ты там? Иди!» – донесся до меня шепот. Я видел лишь бледное пятно ее лица. Она поднесла руку к двери, дверь открылась, но это была не комната, пол плавно поплыл вме-сте с нами. «Тут и шагу самому ступить нельзя, – подумал я. – Странно, что у них еще сохра-нились ноги», – но это была жалкая ирония, ее порождало мое непрекращающееся ошеломле-ние, ощущение нереальности всего, что происходило со мной вот уже несколько часов.

Мы оказались не то в большом зале, не то в коридоре, широком, почти темном, – слабо светились только углы стен, покрытые полосами люминесцирующей краски. В самом темном углу девушка снова прикоснулась распластанной ладонью к металлической плитке в двери и вошла первой. Я зажмурился; почти пустая комната была ярко освещена – девушка шла к сле-дующей двери; когда я подошел к стене, она внезапно раздвинулась, обнажая полки, застав-

ленные множеством каких-то металлических бутылочек. Это произошло так неожиданно, что я невольно застыл на месте.

– Не пугай мой шкаф, – сказала девушка из соседней комнаты.

Я вошел вслед за ней.

Мебель казалась отлитой из стекла: креслица, низенький диванчик, маленькие столики – в их полупрозрачном материале медленно кружились рои светлячков, временами рассыпаясь, потом вновь сливаясь в ручейки, которые циркулировали внутри ножек, спинок, сидений, как бледно-зеленая, пронизанная розовыми отблесками лучистая кровь.

– Ну что же ты?

Она стояла в глубине комнаты. Кресло раскрылось, чтобы услужить мне. Я не выносил этого. Эта стекловидная масса не была стеклом – казалось, что садишься на надутую подушку, а посмотрев вниз, можно было неясно увидеть пол сквозь вогнутый толстый лист сиденья.

Когда я вошел, мне показалось, что стена напротив двери стеклянная и я вижу сквозь нее следующую комнату, заполненную людьми, словно там шел какой-то прием, но люди эти были неестественно высокими – и вдруг я понял, что передо мной телевизионный экран во всю стену. Звук был выключен; теперь, сидя, я видел огромное женское лицо, как будто гигантская негритянка заглядывала в комнату через окно; губы ее шевелились, она что-то говорила, а серьги величиной с тарелку дрожали бриллиантовым блеском.

Я устроился поудобнее в кресле. Девушка, опуская руку вдоль бедра – живот ее и в самом деле казался отлитым из голубого металла, – внимательно смотрела на меня. Она уже не казалась пьяной. Может быть, и раньше мне просто померещилось.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Брегг. Эл Брегг. А тебя?

– Наис. Сколько тебе лет?

«Интересные обычаи, – подумал я. – Ну что ж, видимо, так принято».

– Сорок, а что?

– Нет, ничего. Я думала, сто.

Я улыбнулся:

– Пусть будет сто, если ты так хочешь.

«Самое смешное, что это правда», – подумал я.

– Что выпьешь?

– Спасибо, ничего.

– Как хочешь.

Она подошла к стене, и там открылось нечто вроде небольшого бара. Она заслонила собой полки. Потом обернулась, неся поднос с бокалами и двумя бутылками. Чуть нажав бутылку, она налила мой бокал до краев – жидкость выглядела совершенно как молоко.

– Спасибо, – сказал я, – я ничего не хочу.

– Но ведь я тебе ничего и не даю?! – удивилась она.

Увидев, что я снова сделал ошибку, хоть и не понимая, какую именно, я пробурчал что-то себе под нос и взял бокал. Она налила из другой бутылки себе. Жидкость была маслянистая, бесцветная, она слегка пенилась и быстро темнела, будто от соприкосновения с воздухом. Наис села и, касаясь губами края бокала, равнодушно спросила:

– Кто ты?

– Коль, – ответил я. Поднял бокал, чтобы присмотреться к нему, – это молоко было совершенно без запаха. Я не стал к нему притрагиваться.

– Нет, серьезно, – сказала она. – Ты думал, я втемную, да? Ничего подобного. Это просто кальс. Была с шестеркой, понимаешь, только вдруг дно стало отвратительным. Особенно-то стараться было не к чему и вообще... я уж собиралась выйти, когда ты подсел.

Кое-что я все-таки улавливал: видимо, я случайно сел за ее столик, пока ее не было; может быть, она танцевала? Я дипломатично промолчал.

– Ты издали выглядел так... – Она не могла найти нужного слова.

– Солидно? – подсказал я.

Ее веки дрогнули. Неужели и на них металлическая пленка? Нет, это, наверно, краска. Она подняла голову.

– А что это значит?

– Ну... э... внушающий доверие...

– Ты странно говоришь. Откуда ты?

– Издалека.

– Марс?

– Дальше.

– Летаешь?

– Летал.

– А теперь?

– Вернулся.

– Но будешь снова летать?

– Не знаю. Наверное, нет.

Разговор как-то угасал – казалось, она уже немного раскисивалась в своем легкомысленном приглашении, и мне хотелось облегчить ее положение.

– Может, я пойду? – спросил я, так и не прикоснувшись к напитку.

– Почему? – удивилась она.

– Мне казалось, что тебе... так будет приятнее.

– Нет, – сказала она, – ты думаешь... нет, отчего же... почему ты не пьешь?

– Я пью.

Это все же было молоко. В такую пору, при таких обстоятельствах! Я был изумлен, и она, наверное, заметила это.

– Что, не нравится?

– Это... молоко, – проговорил я. Наверно, вид у меня был совершенно идиотский.

– Да нет же! Какое молоко? Это брит...

Я вздохнул:

– Слушай, Наис... я, пожалуй, пойду. Правда. Так будет лучше.

– Так зачем же ты пил? – спросила она.

Я молча смотрел на нее. Язык не так уж изменился – только я все равно ничего не понимал. Ничего. Это они изменились.

– Как хочешь, – сказала она наконец. – Я тебя не держу. Но сейчас... – Она смутилась. Хлебнула свой лимонад – так я мысленно назвал этот пенистый напиток, – а я опять не знал, что сказать. Как это все было сложно!

– Расскажи о себе, – предложил я, – хочешь?

– Хорошо. А потом ты расскажешь?

– Да.

– Я в Кавуте второй год. Последнее время разленилась, не пластовала регулярно и... так как-то. Шестерка у меня неинтересная. По правде говоря, у меня... никого нет. Странно даже...

– Что?

– Что никого нет...

Снова сплошной мрак. О ком она говорила? Кого нет? Родителей? Любовника? Знакомых? Абс был прав – без восьмимесячной подготовки в Адапте я тут ничего не пойму. Но сейчас мне тем более не хотелось пристыженным возвращаться за парту.

– Ну а дальше? – спросил я и, вспомнив, что держу в руке бокал, снова отпил из него. Ее глаза расширились от изумления. Что-то вроде насмешливой улыбки скользнуло по губам. Она допила свой бокал до дна, протянула руку к пуху, покрывавшему плечи, и разорвала его – не отстегнула, не сняла, а просто разорвала и выпустила обрывки из пальцев, как ненужный мусор.

– В конце концов, мы мало знакомы, – сказала она.

Теперь она, казалось, чувствовала себя свободнее. Улыбалась. Временами она становилась красивой, особенно когда щурила глаза и нижняя губа, поднимаясь, обнажала сверкающие зубы. В лице ее было что-то египетское. Египетская кошка. Очень черные волосы, а когда она сорвала с плеч и груди этот пушистый мех, я увидел, что она совсем не так худа, как мне показалось. Но зачем она это сделала... Это что-нибудь значило?

– Ты собирался рассказывать, – сказала она, глядя на меня поверх бокала.

– Да, – ответил я и почувствовал волнение, будто от моих слов бог весть что зависело. – Я пилот... был пилотом. Последний раз я был здесь... только не пугайся!

– Нет. Говори!

Ее глаза были внимательными и блестящими.

– Сто двадцать семь лет назад. Мне тогда было тридцать. Экспедиция... я был пилотом рейса на Фомальгаут. Это двадцать три световых года. Мы летели туда и обратно, сто двадцать семь лет по земному времени и десять – по бортовому. Мы вернулись четыре дня тому назад... «Прометей» – это мой корабль – остался на Луне. Я прилетел оттуда сегодня. Это все.

Она молча смотрела на меня. Ее губы шевельнулись, раскрылись, снова сжались. Что было в ее глазах? Изумление? Восхищение? Страх?

– Почему ты молчишь? – спросил я. Мне пришлось откашляться.

– Так... Сколько же тебе на самом деле лет?

Я заставил себя улыбнуться; улыбка получилась невеселой.

– Что значит – «на самом деле»? Биологических – сорок, а по земным часам – сто пятьдесят семь...

Долгое молчание, и вдруг:

– Там были женщины?

– Подожди, – сказал я. – У тебя найдется что-нибудь выпить?

– Что?

– Ну, что-нибудь покрепче, понимаешь. Одурманивающее. Алкоголь... или теперь его уже не пьют?

– Очень редко... – ответила она совсем тихо, словно думая о чем-то другом. Ее руки медленно опустились, коснулись металлической голубизны платья.

– Я тебе дам... Ангеен, хочешь? Ах, ты же не знаешь, что это такое?

– Да. Не знаю, – ответил я с неожиданным ожесточением.

Она подошла к полке и вернулась с маленькой пузатой бутылочкой. Налила. Там был алкоголь – немного – и еще что-то; странный, терпкий аромат.

– Не сердись, – сказал я, выпив бокал, и налил еще один.

– Я не сержусь. Ты не ответил. Может, не хочешь?

– Почему же? Могу ответить. Нас было всего двадцать три человека, на двух кораблях. Второй был «Одиссей». По пять пилотов, остальные – ученые. Не было никаких женщин.

– Почему?

– Из-за детей, – объяснил я. – Нельзя растить детей на таких кораблях, и даже если б можно было, никто бы этого не захотел. До тридцати лет не брали. Нужно окончить два факультета, плюс четыре года тренировки, всего двенадцать лет. Словом, у тридцатилетних женщин обычно уже есть дети. Ну... и другие причины.

– А ты? – спросила она.

– Я был один. Выбирали одиночек. То есть добровольцев.

– И ты хотел...

– Да. Разумеется.

– И ты не...

Она оборвала фразу. Я понял, что она хотела сказать. Я молчал.

– Это, должно быть, жутко... так вернуться, – сказала она почти шепотом. Содрогнулась. И вдруг посмотрела на меня, щеки ее потемнели, это был румянец. – Слушай, то, что я сказала, просто шутка, правда.

– Что мне сто лет?

– Я просто так сказала, ну, чтобы что-нибудь сказать, это совсем не...

– Перестань, – пробормотал я. – Если ты еще станешь извиняться, я и вправду почувствую себя столетним.

Она замолчала. Я заставил себя не смотреть на нее. В глубине комнаты, в той второй, не существующей комнате за стеклом, огромная мужская голова беззвучно пела, я видел дрожащую от напряжения темно-багровую гортань, лоснящиеся щеки, все лицо подрагивало в неслышном ритме.

– Что ты будешь делать? – тихо спросила она.

– Не знаю. Еще не знаю.

– У тебя нет никаких планов?

– Нет. У меня есть немного – такое... ну, премия, понимаешь. За все это время. Когда мы стартовали, в банк положили на мое имя – я даже не знаю, сколько там. Ничего не знаю. Послушай, а что такое Кавут?

– Кавута? – поправила она. – Это... такие курсы, пластование, само по себе ничего особенного, но иногда оттуда можно попасть в реал...

– Постой... так что же ты там, собственно, делаешь?

– Пласт, ну, разве ты не знаешь, что это такое?

– Нет.

– Как бы тебе... чтобы проще, ну, делаю платья, вообще одежду... все...

– Портниха?

– Что это такое?

– Ты шьешь что-нибудь?

– Не понимаю.

– О небеса, черные и голубые! Ты проектируешь модели платья?

– Ну... да, в определенном смысле, да. Не проектирую, а делаю...

Я оставил эту тему.

– А что такое реал?

Это ее по-настоящему удивило. Она впервые взглянула на меня как на существо из иного мира.

– Реал – это... реал, – беспомощно повторила она. – Это такие... истории, на них смотрят...

– Это? – Я показал на стеклянную стену.

– Ах нет, это визия...

– Так что же? Кино? Театр?

– Нет. Театр, я знаю, такое было – это было давно. Я знаю: там были настоящие люди. Реал искусственный, но это нельзя отличить. Разве только если войдешь туда, к ним...

– Если войдешь...

Голова великана вращала глазами, качалась, смотрела на меня, будто он испытывал истинное наслаждение, созерцая эту сцену.

– Послушай, Наис, – сказал я вдруг, – или я пойду, потому что уже поздно, или...

– Предпочла бы второе «или».

– Ты же не знаешь, что я хочу сказать.

– Так скажи.

– Хорошо. Я хотел тебя еще спросить кое о чем. О самом основном, самом важном я уже немного знаю: я просидел в Адапте на Луне четыре дня. Но там все было чересчур торжественно. Что вы делаете, когда не работаете?

– Можно делать массу всяких вещей, – сказала она. – Можно путешествовать, по-настоящему или мутом. Можно развлекаться, ходить в реал, танцевать, играть в терео, заниматься спортом, плавать, летать – что угодно.

– Что такое мут?

– Это вроде реала, только до всего можно дотронуться. Там можно ходить по горам, всюду – сам увидишь, это невозможно рассказать. Но, мне кажется, ты хотел спросить о чем-то другом...

– Тебе правильно кажется. Как сейчас... у мужчин с женщинами?

Ее веки затрепетали.

– Наверно, так, как всегда было. Что могло измениться?

– Все. В те времена, когда я улетел – только не обижайся, – девушка вроде тебя не пригласила бы меня к себе в такое время.

– В самом деле? Почему?

– Потому что это имело бы вполне определенный смысл.

Она помолчала.

– А почему ты думаешь, что это не имело такого смысла?

Мой вид развеселил ее. Я смотрел на нее; она перестала улыбаться.

– Наис... как же это, – пробормотал я, – ты приглашаешь совершенно незнакомого парня и...

Она молчала.

– Почему ты не отвечаешь?

– Потому что ты ничего не понимаешь. Я не знаю, как тебе объяснить. Понимаешь, это ничего не значит...

– Ах вот как. Это ничего не значит, – повторил я.

Я не мог усидеть. Встал. Забывшись, почти подпрыгнул – она вздрогнула.

– Прости, – буркнул я и начал шагать по комнате. За стеклом простирался парк, залитый утренним солнцем; по аллее, среди деревьев с бледно-розовыми листьями, шли трое ребят в рубашках, сверкавших, как доспехи.

– Браки существуют?

– Ну конечно.

– Ничего не понимаю! Объясни мне это. Вот ты видишь мужчину, который тебе подходит, и, не зная его, сразу...

– Но что же тут рассказывать? – неохотно сказала она. – Неужели действительно в твоё время, тогда, девушка не могла впустить в комнату никакого мужчину?

– Нет, могла, конечно, и даже с такой именно мыслью, но... не через пять минут после знакомства...

– А через сколько минут?

Я взглянул на нее. Она спросила вполне серьезно. Ну, конечно, откуда ей было знать; я пожал плечами.

– Дело не во времени, просто... просто она должна была сначала что-то... ну, увидеть в нем, узнать его, полюбить. Сначала гуляли...

– Подожди, – перебила она. – Ты, кажется, ничего не понимаешь. Ведь я же дала тебе брит.

– Какой брит? Ах, это молоко? Ну так что?

– Как что? Разве... тогда не было брита?

Она улыбнулась, потом расхохоталась. Внезапно замолчала, посмотрела на меня и отчаянно покраснела.

– Так ты думал... ты думал, что я... нет!!

Я присел. Пальцы меня не слушались. Я вытащил из кармана папироску и закурил. Она широко открыла глаза:

– Что это такое?

– Папироса. А вы не курите?

– Первый раз в жизни вижу такое... и это папироса? Как ты можешь втягивать в себя дым? Нет, стой – то важнее. Брит вовсе не молоко. Я не знаю, что там, но чужому всегда дают брит.

– Мужчине?

– Да.

– Ну и что из этого?

– То, что он будет... он должен вести себя хорошо. Знаешь... Может, тебе какой-нибудь биолог объяснит это.

– К черту биологов. Так это значит, что мужчина, которому ты дала брит, ничего не может?

– Разумеется.

– А если он не захочет выпить?

– Как он может не захотеть?

Тут кончалось всякое взаимопонимание.

– Ты же не можешь его заставить, – терпеливо начал я.

– Сумасшедший мог бы отказаться, – медленно сказала она, – но я ни о чем таком не слыхала, никогда...

– Это такой обычай?

– Не знаю, что тебе сказать. Ты из-за обычая не ходишь раздетым?

– Ага. Ну, в некотором смысле да. Но на пляже можно раздеться.

– Догола? – спросила она с внезапным интересом.

– Нет. Купальный костюм... Но в наши времена были такие люди, они назывались нудисты...

– Знаю. Нет, то другое, я думала, что вы все...

– Нет. Значит, этот брит, это... как платье? Такое же обязательное?

– Да. Когда вдвоем.

– Ну а потом?

– Что потом?

– Во второй раз?

Идиотский это был разговор, и я себя отвратительно чувствовал, но должен же я был наконец узнать!

– Потом? По-разному бывает. Некоторым... всегда дают брит...

– Пустая похлебка, – вырвалось у меня.

– Что это значит?

– Нет. Ничего. А если девушка идет к кому-нибудь, тогда что?

– Тогда он пьет у себя.

Она смотрела на меня почти с жалостью. Но я упорствовал:

– А если у него нет?

– Брита? Как же может не быть?

– Ну, кончился. Или... он ведь может солгать.

Она засмеялась.

– Но ведь это... неужели ты думаешь, что я все эти бутылки держу здесь, в комнате?

– Нет? А где же?

– Я даже не знаю, откуда они берутся. В твоё время был водопровод?

– Был, – хмуро ответил я. Конечно, могло ведь и не быть; я мог прямо из пещеры влезть в ракету. На мгновение меня охватила ярость; потом я спохватился – в конце концов, это была не её вина.

– Ну вот, ты разве знал, откуда берётся вода, прежде чем...

– Я понял, можешь не продолжать. Ладно. Значит, это такое средство предосторожности?

Очень странно.

– Мне это совсем не кажется странным. Что у тебя там белое, под свитером?

– Рубашка.

– Что это?

– Ты что, рубашки не видела? Ну, такое – бельё в общем. Из нейлона.

Я засучил рукав свитера и показал.

– Интересно, – сказала она.

– Такой обычай, – беспомощно ответил я.

Действительно, мне ведь говорили в Адапте, чтобы я перестал одеваться, как сто лет назад; а я заупрямился. Однако я не мог не признать её правоты – брит был для меня тем же, чем для неё рубашка. В конце концов, людей никто не заставлял носить рубашки, а все их носили. Видно, с бритом обстояло так же.

– Сколько времени действует брит? – спросил я.

Она слегка покраснела.

– Как тебе не терпится. Ничего ещё не известно.

– Я не хотел сказать ничего плохого, – оправдывался я. – Мне только хотелось узнать... почему ты так смотришь! Что с тобой? Наис!

Она медленно поднялась. Отступила за кресло.

– Сколько, ты сказал? Сто двадцать лет?

– Сто двадцать семь. Ну и что?

– А ты... был... бетризован?

– Что это значит?

– Не был?!

– Да я даже не знаю, что это значит. Наис... девочка, что с тобой?

– Нет... не был, – шептала она. – Если б был, ты бы, наверно, знал.

Я хотел подойти к ней. Она вскинула руки:

– Не подходи! Нет! Нет! Умоляю!

Она попятилась к стене.

– Ведь ты же сама говорила, что это брит... сажусь, сажусь. Ну, сажу, видишь, успокойся.

Что это за история с этим бе... как это там?

– Не знаю подробно. Но... каждого бетризуют. При рождении.

– Что же это?

– Кажется, что-то вводят в кровь.

– Всем?

– Да. Потому что... брит... как раз не действует без этого. Не двигайся!

– Девочка, не будь смешной.

Я погасил папиросу.

– Я ведь все-таки не дикий зверь. Ты не сердись, но... мне кажется, что вы здесь все чуточку тронутые. Этот брит... это же все равно что сковать всем до единого руки, а вдруг да кто-нибудь окажется вором. В конце концов... можно ведь и доверять немного.

– Ты великолепен. – Она будто успокоилась немного, но продолжала стоять. – Почему же ты так возмущался раньше, что я привожу к себе незнакомых?

– Это совсем другое.

– Не вижу разницы. Ты наверняка не был бетризован?

– Не был.

– А может, теперь? Когда вернулся?

– Не знаю. Делали мне разные уколы. Какое это имеет значение?

– Имеет. Тебе делали? Это хорошо.

Она села.

– У меня есть к тебе просьба, – начал я как можно спокойней. – Ты должна мне это объяснить...

– Что?

– Твой страх. Ты боялась, что я на тебя наброшусь, да? Но ведь это же чушь.

– Нет. Если подумать, конечно, чушь, но все это слишком, понимаешь? Такой шок. Я никогда не видела человека, которого не...

– Но ведь этого же нельзя распознать!

– Можно. Еще как можно!

– Как?

Она помолчала.

– Наис...

– Да я...

– Что?

– Боюсь...

– Сказать?

– Да.

– Но почему?

– Ты понял бы, если б я сказала. Видишь ли, ведь это не из-за брита. Брит – это только так... побочное... Дело совсем в другом...

Она побледнела. Губы ее дрожали. «Что за мир, – подумал я, – что за мир!»

– Не могу. Ужасно боюсь.

– Меня?!

– Да.

– Клянусь тебе, что...

– Нет, нет... я тебе верю, только... нет. Этого ты не можешь понять.

– Ты мне не скажешь?

Видно, было в моем голосе нечто такое, что она переборола себя. Ее лицо стало суровым. Я видел по ее глазам, каких усилий ей это стоило.

– Это... для того... чтобы нельзя было... убивать.

– Не может быть! Человека?!

– Никого...

– И животных?

– Тоже. Никого...

Она сплетала и расплетала пальцы, не сводя с меня глаз, – будто этими словами спустила меня с невидимой цепи, будто вложила мне в руки нож, которым я могу ее пронзить.

– Наис, – сказал я совсем тихо. – Наис, не бойся. Правда... не надо меня бояться.

Она пыталась улыбнуться.

– Слушай...

– Что?

– Когда я тебе это сказала...

– Ну?

– Ты ничего не почувствовал?

– А что я должен был почувствовать?

– Представь, что ты делаешь то, что я тебе сказала...

– Что, я убиваю? Я должен это себе представить?

Она содрогнулась.

– Да...

– Ну и что?

– И ты ничего не чувствуешь?

– Ничего. Но ведь это же только мысль, я совсем не собираюсь...

– Но ты можешь? Да? Действительно, можешь? Нет, – шепнула она одними губами, словно самой себе, – ты не бетризован...

Только теперь до меня дошло значение этого, и я понял, что для нее это могло быть потрясением.

– Это великое дело, – пробормотал я. Немного погодя добавил: – Но может, лучше было бы, если б люди отвыкли от этого... без искусственных средств...

– Не знаю. Может быть, – ответила она. Глубоко вздохнула. – Теперь ты понимаешь, почему я испугалась?

– По правде говоря, не совсем. Так, немножко. Ну не думала же ты, что я тебя...

– Какой ты странный! Как будто ты совсем не... – Она запнулась.

– Не человек?

У нее затрепетали веки.

– Я не хотела тебя обидеть, только, понимаешь, если известно, что никто не может, – понимаешь, даже подумать не может никогда, и вдруг появляется такой, как ты, и уже сама возможность... то, что есть такой...

– Но ведь это невозможно, чтобы все были – как это? – а, бетризованы?

– Почему же? Все, уверяю тебя!

– Нет, это невозможно, – упорствовал я. – А люди опасных профессий? Ведь они должны...

– Опасных профессий нет.

– Что ты говоришь, Наис? А пилоты? А разные спасатели? А те, что борются с огнем, с водой...

– Таких нет, – сказала она.

Мне показалось, что я не расслышал.

– Что-о?

– Нет, – повторила она. – Это делают роботы.

Наступило молчание. Я подумал, что не легко мне будет переварить этот новый мир. И вдруг мне пришла в голову мысль, удивительная мысль: мне показалось, что эта процедура, уничтожающая в человеке убийцу, в сущности... калечит его.

– Наис, – сказал я, – уже очень поздно. Я, пожалуй, пойду.

– Куда?

– Не знаю. Ах да! В порту меня должен был ждать человек из Адапта. Я совсем забыл! Никак не мог его отыскать, понимаешь. Ну, тогда... я поищу какую-нибудь гостиницу. Они еще существуют?

– Да. Ты откуда?

– Отсюда. Я родился здесь.

С этими словами вернулось ощущение нереальности всего происходящего, и я уже не мог понять, существовал ли вообще тот город, который теперь был только во мне, и этот, призрач-

ный, с комнатами, в которые заглядывали головы великанов. На миг мне показалось, что я еще на корабле и все это только еще один, особенно отчетливый, кошмарный сон о возвращении.

– Брегг, – будто издалека донесся до меня ее голос. Я вздрогнул. Я совершенно забыл о ней.

– Да... слушаю.

– Останься!

– Что?

Она молчала.

– Ты хочешь, чтобы я остался?

Она молчала. Я подошел к ней, обнял ее холодные плечи, нагнувшись над креслом. Она безвольно встала. Голова ее откинулась, зубы заблестели, я не хотел ее, я хотел лишь сказать: «Ведь ты же боишься», – и чтобы она сказала, что нет. И больше ничего. Глаза ее были закрыты, и вдруг белки сверкнули сквозь ресницы, я склонился над ее лицом, заглянул в остекленевшие глаза, словно хотел познать этот страх, разделить его. Она вырывалась, задыхаясь, но я не чувствовал этого, и лишь когда она начала стонать: «Нет! нет!» – я ослабил объятия. Она чуть не упала. Стала у стены, заслонив часть огромного одутловатого лица, которое там, за стеклом, непрерывно говорило что-то, неестественно шевеля громадными губами, мясистым языком.

– Наис... – сказал я тихо, опуская руки.

– Не подходи!

– Ты же сама сказала...

Ее взгляд был совершенно бессмысленным.

Я прошелся по комнате. Она водила за мной глазами, как будто я... как будто она стояла в клетке.

– Я пойду... – сказал я. Она не ответила. Я хотел было еще что-то добавить – слова извинения, благодарности, только бы не выходить просто так, – но не смог. Если б она боялась меня просто так, как женщина мужчину, незнакомого, пусть страшного, неизвестного, – это бы еще полбеды, но тут было совсем другое. Я взглянул на нее и почувствовал, что меня охватывает гнев. Схватить эти обнаженные белые плечи, встряхнуть...

Я повернулся и вышел; наружная дверь поддалась, когда я ее толкнул, большой коридор был почти не освещен. Я никак не мог найти выход на террасу, но натолкнулся на просвечивавшие блеклым, синеватым светом цилиндры – кабины лифтов. Тот, к которому я приблизился, уже поднялся навстречу, может быть, достаточно было того, что нога ступила на порог. Кабина спускалась медленно. Передо мной чередовались слои темноты и разрезы этажей – белые, с красноватой прослойкой внутри, как прослойки жира в мускулах, они поднимались вверх, я потерял им счет, кабина опускалась, все опускалось, это походило на путешествие на самое дно, как будто меня швырнуло в канал стерилизационной сети и этот гигантский, погруженный в сон и беспечность дом избавлялся от меня. Часть прозрачного цилиндра отошла в сторону, я шагнул вперед.

Руки в карманы, темнота, твердый, широкий шаг, я жадно вдыхал холодный воздух, чувствуя, как шевелятся ноздри, как четко работает сердце, разгоняя кровь. В щелях у самой земли трепетали огни, то и дело заслоняемые бесшумными машинами; ни одного прохожего. Среди черных силуэтов едва рдело зарево, я подумал, что это, может быть, гостиница, но это был всего лишь освещенный тротуар. Я ступил на него. Надо мной проплывали бледные пролеты каких-то конструкций, где-то далеко над черными ребрами домов мерно семенили светящиеся буквы газетных новостей, внезапно тротуар выехал в освещенное помещение и тут окончился.

Широкие ступени текли вниз, серебрясь, как окаменевший водопад. Меня поражала пустота – выйдя от Наис, я не встретил еще ни одного человека. Эскалатор казался бесконечным. Внизу опять широкая освещенная улица, по обеим сторонам – дома; под деревом с голубыми листьями – а может быть, это было не настоящее дерево – я увидел парочку, приблизился

к ним и отошел. Они целовались. Я пошел на приглушенные звуки музыки, какой-то ночной ресторан или бар, ничем не отделенный от улицы. Там сидело несколько человек. Я хотел войти и спросить гостиницу. И тут же всем телом натолкнулся на невидимую преграду. Это было совершенно прозрачное стекло. Вход был рядом. Внутри кто-то засмеялся, показывая на меня другим. Я вошел. У столика боком сидел мужчина с бокалом в руке, в черном трико, немного походившем на мой свитер, но воротник весь в буфах, как будто вспененный, и смотрел на меня. Я остановился перед ним. Смех замер на его полуоткрытых губах. Я стоял. Стало тихо. Только музыка продолжала играть, словно за стеной. Какая-то женщина издала странный, слабый звук, я провел взглядом по замершим лицам и вышел. Только на улице спохватился, что собирался спросить гостиницу.

Я вошел в пассаж. Полно витрин. Бюро путешествий, спортивные магазины, манекены в разнообразных позах. Собственно говоря, это были даже не витрины, потому что все это стояло и лежало прямо на улице, по обеим сторонам приподнятой дорожки, бежавшей посредине. Несколько раз я принял шевелившиеся в глубине силуэты за людей. Это были рекламные куклы, повторявшие без конца одно и то же действие. Одна кукла, величиной с меня, карикатурно надув щеки, играла на флейте – я засмотрелся на нее. Она так здорово это делала, что мне захотелось заговорить с ней. Потом пошли залы каких-то игр, там вращались большие радужные колеса; ударяясь, как колокольчики на санках, звенели подвешенные во множестве под потолком серебряные трубки; перемигивались призматические зеркала, но внутри было пусто. В самом конце пассажа в темноте сверкнула надпись: **ЗДЕСЬ ХАХАХА**. Исчезла. Я направился к ней. Снова зажглось: **ЗДЕСЬ ХАХАХА**, и исчезло, словно его задули. При следующей вспышке я успел разглядеть вход. Послышались голоса. Я вошел сквозь заслон теплого воздуха.

В глубине стояли два бесколесных авто, горело несколько ламп, трое мужчин быстро жестикулировали, как будто спорили друг с другом. Я подошел к ним:

– Хэлло!

Они даже не оглянулись и продолжали быстро говорить. Я ничего не понимал. «Тогда сапай, тогда сапай», – пискляво повторял самый маленький, с брюшком. На голове у него была высокая шапка.

– Послушайте, я ищу гостиницу. Где здесь...

Они не обращали на меня внимания, как будто меня не было. Меня охватила злость. Уже совершенно молча я вошел в их круг. Ближайший ко мне – я видел его глуповато поблескивающие белки и прыгающие губы – зашепелявил:

– Што я должен шапать? Ты шам шапай!

Как будто он обращался ко мне.

– Что вы строите из себя глухих? – спросил я и внезапно с того места, где я стоял – точно из меня, из моей груди, – вырвался пискливый крик:

– Вот я тебе! Вот я тебе сейчас!

Я отскочил, и тогда появился обладатель голоса, этот толстяк в шапке, – я хотел схватить его за плечи, пальцы прошли насквозь и сомкнулись в воздухе. Я застыл, словно оглушенный, а они продолжали болтать; вдруг мне показалось, что из темноты над автомобилями, сверху, кто-то смотрит на меня, я подошел к границе светлого круга и увидел бледные пятна лиц; там, наверху, было что-то вроде балкона. Ослепленный светом, я не мог рассмотреть его как следует, но и этого было достаточно, чтобы понять, каким ужасным шутком я выглядел. Я выбежал, будто за мной гнались.

Следующая улица шла вниз и кончалась у эскалатора. Я подумал, что там, может быть, найду какой-нибудь Инфор, и отправился по тускло-золотой лестнице. Лестница кончалась небольшой круглой площадью. Посреди стояла колонна, высокая, прозрачная, как из стекла, что-то танцевало в ней, пурпурные, коричневые и фиолетовые силуэты, ни на что не похо-

жие, как ожившие абстрактные композиции, но очень забавные. То один, то другой цвет сгущался, концентрировался, формировался комичнейшим образом; даже лишенная лиц, голов, рук, ног, вся эта путаница форм не лишена была очень человеческого, даже карикатурного выражения. Присмотревшись, я понял, что фиолетовый – это хвостун, надутый, чванливый и в то же время трусливый; когда он разлетелся на миллион пританцовывающих пузырей, за дело взялся голубой. Этот был словно неземной, сама скромность, само смирение, но все это было чуть ханжеское, будто он сам на себя молился. Не знаю, сколько я так простоял. Я никогда не видел ничего подобного. Кроме меня, здесь никого не было, только движение черных машин усилилось. Я не видел даже, есть в них люди или нет, потому что все они были без окошек. С этой круглой площади расходилось шесть улиц – одни вверх, другие вниз, они уходили вдаль нежной мозаикой цветных огоньков, чуть ли не на милю. И ни одного Инфора.

Я изрядно устал, не только физически – мне казалось, что я переполнен впечатлениями. Иногда я спотыкался на ходу, хоть вовсе не засыпал; не помню, как и когда забрел в широкую аллею; на перекрестке замедлил шаги, поднял голову и увидел отсвет городских огней на облаках. Это удивило меня, потому что мне казалось, что я нахожусь под землей. Я шел дальше, теперь уже среди моря пляшущих огней, лишенных стекол витрин, среди жестикулирующих, крутящихся юлой, ожесточенно дергающихся манекенов; они протягивали друг другу какие-то сверкающие предметы, что-то надували – я даже не смотрел в их сторону. В отдалении показались несколько человек; но я не был уверен, что и это не куклы, и не стал их догонять.

Дома расступились, и я увидел большую надпись: **ПАРК ТЕРМИНАЛ** – и светящуюся зеленую стрелу.

Эскалатор начинался в проходе между домами, потом вошел в серебряный тоннель, в стенах которого бился золотой пульс, как будто под ртутной кожей стен действительно плыл драгоценный металл; пронесся горячий ветерок, все померкло – я стоял в застекленном павильоне. Он имел форму раковины, в складках гофрированного потолка брезжила туманная, едва уловимая зелень – это был блеск тончайших жилочек, словно флуоресценция одного огромного подрагивающего листа; во все стороны расходились двери, за ними темнота и маленькие, ползущие по полу буковки: Парк Терминал, Парк Терминал.

Я вышел. Это в самом деле был парк. Невидимые во мраке, протяжно шумели деревья, ветра не было, должно быть, он несся высоко вверх, а мерный, торжественный голос деревьев отделял меня от всего невидимым сводом. Впервые я почувствовал себя одиноким, но не так, как в толпе, – мне было хорошо в этом одиночестве. Наверно, в парке было много людей, доносились шепотки, временами чье-то лицо мелькало бледным пятном, один раз я чуть не задел кого-то. Вершины деревьев сплелись, и звезды видны были только в просветах листвы. Я вспомнил, что к парку я поднимался, а ведь уже там, на площади пляшущих цветов и улице витрин, надо мной было небо, явно хмурое. Как же могло случиться, что теперь, поднявшись этажом выше, я вижу чистое звездное небо? Этого понять я не мог.

Деревья расступились, и, не успев еще увидеть, я почувствовал дыхание воды, запах ила, гниющих корней, намокших листьев – и замер.

Заросли черным кольцом охватывали озеро. Я слышал шелест камышей и тростника, а вдали, на другой стороне озера, над ним, вздымался единой громадой массив стекловидно светящихся скал, полупрозрачная гора над равнинами ночи; едва заметное голубоватое призрачное сияние наполняло вертикальные бойницы, бастионы и башни, застывшие многогранные зубцов, рвы и пропасти, и этот светящийся колосс, невероятный и неправдоподобный, отражался бледным удлинненным двойником в черных водах озера. Я стоял, потрясенный и восхищенный, ветер доносил тончайшие, тающие отзвуки музыки; напрягая зрение, я разглядел этажи и террасы этого титанического сооружения, и вдруг, словно в озарении, понял, что снова вижу космопорт, гигантский Терминал, в котором блуждал накануне, и, может быть, даже смотрю на то самое место, где встретил Наис, со дна поразившей меня тогда мрачной равнины.

Что это – еще архитектура или уже состязание с природой? По-видимому, они поняли, что, перейдя определенный рубеж, необходимо отказаться от симметрии, от правильности форм и идти на выучку к величайшему мастеру – смысленные ученики планеты!

Я пошел вдоль озера. Колосс, застывший в сияющем взлете, словно сопровождал меня. Да, это было мужеством – задумать такую форму, воплотить в ней жестокость пропастей, безжалостность и шершавость обрывов и пиков и не скатиться до механического копирования, ничего не утратить, не сфальшивить. Я вернулся к стене деревьев. Бледная, проступающая на черном небе голубизна Терминала еще виднелась сквозь ветви, потом погасла, заслоненная чащей. Я раздвигал руками гибкие ветви, колючки цеплялись за свитер, царапали брюки, слетевшая с листьев роса, как дождь, осыпалась на лицо, я взял в губы несколько листков, пожевал, они были молодые, горчили, в первый раз по возвращении я испытывал такое: мне ничего не хотелось, я ничего не искал, ни в чем не нуждался, только бы идти вот так, сквозь шелестящую чашу, куда глаза глядят. Так ли все это представлялось мне в течение целых десяти лет?..

Кусты расступились. Извилистая аллея. Мелкий гравий хрустел под ногами, слабо светясь, я хотел бы вновь в темноту, но продолжал идти по аллее – туда, где под каменным кругом стояла человеческая фигура. Понятия не имею, откуда брался свет, окружавший ее, вокруг было пусто, какие-то скамейки, креслица, перевернутый столик, песок, сыпучий и глубокий; я чувствовал, как ноги погружаются в него, какой он теплый, несмотря на ночную прохладу.

Под сводом, возведенным на потрескавшихся, изъеденных колоннах, стояла женщина, словно ожидая меня. Я уже различал ее лицо, мерцание искорок в бриллиантовых пластинках, закрывавших уши, белую, серебряющуюся в тени ткань. Я не мог поверить. Сон? Я был в нескольких десятках шагов от нее, когда она запела. Среди слепых деревьев ее голос казался слабым, почти детским; я не различал слов, может быть, их и не было – губы ее были полуоткрыты, словно она пила, в лице ни малейшего напряжения, ничего, кроме задумчивости, она, казалось, загляделась, словно видела что-то, чего нельзя увидеть, и об этом пела теперь. Я боялся спугнуть ее, шел все медленней. Я был уже в световом круге, охватившем каменную беседку. Ее голос усилился, она призывала мрак, умоляла, замирая, руки упали, как будто она забыла о них, как будто в ней не осталось ничего, кроме голоса, с которым она уносилась и таяла, казалось, она отрекалась от всего и все отдавала и прощалась, зная, что вместе с последним, замирающим звуком умрет не только песня. Я не знал, что такое возможно. Она умолкла, а я все еще слышал ее голос. И вдруг за моей спиной какая-то девушка пробежала к беседке, за ней кто-то гнался, с коротким гортанным смешком она сбежала по ступеням вниз и пронеслась сквозь стоявшую, и уже летела дальше, догонявший мелькнул черным силуэтом рядом со мной, они исчезли; снова раздался зовущий смех, и я остался, как пень, вросший в землю, не зная, смеяться мне или плакать; призрачная певица снова затянула что-то тихонько. Я не хотел слушать. Я отошел в темноту с окаменевшим лицом, как ребенок, которому раскрыли, что сказка – ложь. Это казалось профанацией. Я шел, а ее голос преследовал меня. Я свернул в сторону, аллея шла дальше, слабо светились кусты живой изгороди, мокрые фестоны листьев свисали над металлической калиткой. Я отворил ее. Там было как будто светлее. Изгородь оканчивалась широкой вольерой, из травы торчали каменные глыбы, одна из них шевельнулась, приподнялась, на меня глянули два бледных огонька глаз. Я замер. Это был лев. Он встал тяжело сначала на передние лапы; теперь я увидел его целиком, в пяти шагах, – грива у него была небольшая, кудлатая, он потянулся раз-другой, неторопливо, покачивая бедрами, подошел ко мне, не издавая ни малейшего шороха. Я уже пришел в себя.

– Но, но, не пугай, – сказал я.

Он не мог быть настоящим – призрак, как та певица, как те там, внизу, возле черных автомобилей, – он зевнул, стоя в одном шаге от меня, в темной пасти сверкнули клыки, челюсти клацнули с лязгом стального засова, я почувствовал его смрадное дыхание, что за...

Он фыркнул. Я ощутил капельки слюны, и, прежде чем успел ужаснуться, он толкнул меня своей огромной головой в бедро, ворча, начал тереться об меня, я почувствовал идиотские спазмы истерического смеха в груди...

Он подставил мне горло, обвисшую, тяжелую шкуру. Почти не сознавая, что делаю, я начал почесывать, тереть его, он мурлыкал все громче, сзади сверкнула вторая пара глаз, еще один лев, нет, львица, она толкнула его плечом. В горле у него заклокотало, это было мурлыканье, не рев. Львица настаивала. Он ударил ее лапой. Она яростно фыркнула.

«Это плохо кончится», – подумал я. Я был беззащитен, а львы такие живые, такие настоящие, каких только можно себе вообразить. Я ощущал тяжелый смрад их тел. Львица продолжала фыркать; вдруг лев вырвал свои жесткие патлы из моих рук, повернул к ней свою огромную голову и заревел; львица распласталась по земле.

– Мне пора, – сказал я, обращаясь к ним, беззвучно, одними губами и стал отступать к калитке, осторожно пятясь – малоприятная минута, но лев, казалось, вообще не замечал меня. Он тяжело лег, снова превратившись в продолговатый камень, львица стояла над ним и толкала его мордой.

Я с трудом удержался, чтобы не броситься бегом, когда закрыл за собой калитку. Колени подкашивались, в горле першило, и вдруг мое покашливание сменилось неудержимым смехом: я вспомнил, как говорил ему «но, но, не пугай», будучи уверен, что это только призрак...

Вершины деревьев отчетливо выделялись на небе; светало. Я был даже рад этому, потому что не знал, как выбраться из парка. Парк уже совершенно опустел. Я прошел мимо каменной беседки, где раньше увидел певицу, в следующей аллее набрел на робота, подстригавшего траву. Он ничего не знал о гостинице, но объяснил мне, как пройти к ближайшему эскалатору. Я спустился вниз, на несколько этажей, не меньше, и, выйдя на улицу нижнего горизонта, удивился, снова увидев над собой небо. Но и моя способность удивляться была на исходе. Я был сыт по горло. Я куда-то шел, помню, что сидел возле фонтана, а может быть, то был не фонтан, встал, пошел дальше в нарастающем свете нового дня, пока не очнулся от забытья прямо против огромных сверкающих окон с огненными буквами **ОТЕЛЬ «АЛЬКАРОН»**.

В белом холле, напоминавшем перевернутую вверх дном гигантскую ванну, сидел робот, великолепно стилизованный под портье, полупрозрачный, с длинными тонкими руками. Ни о чем не спрашивая, он подал мне книгу, я вписал свое имя и, получив маленький треугольный жетон, отправился наверх. Кто-то – я уж не помню кто – помог мне открыть дверь, точнее, открыл ее вместо меня. Стены словно из льда; в стенах – блуждание огоньков; из-под окна, к которому я подошел, появилось из ничего кресло, сверху уже спускался плоский лист, чтобы образовать что-то вроде бюро, но мне нужна была кровать. Я не мог ее найти и даже искать не пытался. Я упал на пенистый ковер и тотчас заснул в искусственном свете этой комнаты без окон – то, что я принял сначала за окно, было, конечно, телевизором, я уходил в сон, ощущая, что оттуда, из-за стеклянной стены, гримасничает какая-то огромная рожа, оценивает меня, смеется, болтает, брюзжит... Сон был спасителем, как смерть; даже время в нем остановилось.

II

Еще не открыв глаз, я коснулся рукой груди. На мне был свитер; если я спал не раздеваясь, значит, была моя вахта. «Олаф!» – чуть было не позвал я и вдруг вскочил.

Это был отель, а не «Прометей». Я сразу вспомнил все: лабиринты порта, девушку, посвящение в тайну, ее страх, голубоватую глыбу Терминала над черным озером, певицу, львов...

В поисках ванной я случайно обнаружил кровать; она сливалась со стеной и выпадала жемчужным, набухшим квадратом, если что-то там нажать. В ванной не было ни ванны, ни крапов, ничего, одни лишь блестящие плитки в потолке и небольшие углубления для ног, выложенные губчатым пластиком. На душ это тоже что-то не походило. Я почувствовал себя неан-

дерталцем. Быстро разделся и застыл с одеждой в руках – вешалок тоже не было, зато был небольшой шкафчик в стене, я втиснул туда все свои вещи. Рядом три кнопки – голубая, красная и белая. Нажал белую. Погас свет. Красную. Зашумело, но это все-таки была не вода, просто какой-то мощный вихрь, отдающий озоном и еще чем-то; он охватил меня с головы до ног, на коже оседали мелкие блестящие пузырьки, они шипели и исчезали, не ощущалось даже влажности, а так, словно покалывание маленьких электрических иголочек, массирующих мускулы. Я нажал на голубую кнопку, и вихрь как-то изменился – теперь он как будто пронизывал меня насквозь – очень странное ощущение. Я подумал, что если привыкнуть, то это может даже понравиться. В Адапте на Луне такого не было – там были обыкновенные ванны. Понятия не имею почему. Кровь теперь бежала быстрее, я чувствовал себя отлично, не доставало только одного – чем и как вычистить зубы. В конце концов я решил махнуть на это рукой. В стене была еще одна дверца, с надписью: «Купальные халаты». Я заглянул внутрь. Никаких халатов, какие-то три металлические фляжки вроде сифонов. Но я был абсолютно сух, и мне не нужно было вытираться.

Я открыл шкафчик, в который вложил одежду, и остолбенел: он был пуст. Хорошо хоть, что плавки бросил на шкаф. Я вернулся в комнату в плавках и принялся разыскивать телефон, чтобы разузнать, что случилось с одеждой. Все это было, пожалуй, слишком хлопотно. Телефон я нашел в конце концов у окна – так я продолжал называть телеэкран, – он выскочил из стены, когда я начал во всеуслышание ругаться; наверно, реагировал на голос. Идиотская манера прятать все в стены. Отозвались из приемной. Я спросил об одежде.

– Вы вложили ее в чист, – ответил мягкий баритон. – Будет готова через пять минут.

«И на том спасибо», – подумал я. Сел за столик, крышка которого предупредительно подsunулась под локоть, едва я нагнулся. Как это делалось? Стоит ли интересоваться; большинство людей пользуется техникой своего времени, абсолютно не понимая ее.

Я сидел в одних плавках и обдумывал различные возможности. Можно было пойти в Адапт. Если бы дело было только в ознакомлении с техникой и обычаями, я бы не стал раздумывать, но я уже на Луне заметил, что одновременно они стараются навязать определенный подход, даже готовую оценку явлений; они предлагали готовую шкалу ценностей и, если видели, что вы с ней не соглашаетесь, объясняли это – и вообще все ваше поведение – консерватизмом, подсознательным сопротивлением, рутиной, старыми привычками и так далее. А я и не собирался отказываться ни от своих привычек, ни от своего консерватизма, по крайней мере до тех пор, пока сам не решу, что мне предлагают нечто лучшее. Но уроки сегодняшней ночи нисколько не убедили меня в этом. Не нуждался я ни в их наставлениях с первой же минуты, ни в их заботливой снисходительности. Интересно, почему они не подвергли меня этой бетризации? Нужно обязательно узнать.

Можно было бы поискать кого-нибудь из наших, Олафа например. Правда, это выглядело бы как нарочитое нарушение инструкций Адапта. О да, ведь они ничего не приказывали, они все время твердили, что действуют в наших интересах, что я могу поступать как мне заблагорассудится, даже прыгнуть с Луны прямо на Землю (шуточки доктора Абса), если мне так не терпится. Я не собирался подчиняться им, но Олафу это могло не понравиться. Во всяком случае, я ему напишу. Адрес есть.

Работа. Искать работу? Какую, пилота? И что, гонять на линии Марс – Земля – Марс? Это я бы смог, но...

Я вдруг вспомнил, что у меня есть какие-то деньги. То есть это были не деньги, они как-то иначе назывались, но я не мог понять, в чем тут различие, если все равно на них все можно было достать. Я попросил соединить меня с городом. В трубке зазвучал далекий мелодичный сигнал. На телефоне не было ни диска, ни цифр, может быть, следовало произнести название банка? Оно было у меня записано на карточке. Карточка? Там, в одежде... Я заглянул в ванную, одежда уже лежала в шкафу, будто свежевывстиранная, в карманах всякая мелочь и эта

карточка. Этот банк вовсе не был банком, он назывался Омнилокс. Я назвал это слово, и тотчас же, будто моего вызова ждали, отозвался низкий голос:

– Омнилокс слушает.

– Меня зовут Брегг, – сказал я. – Эл Брегг, и кажется, у вас есть мой счет... я хотел бы узнать, сколько там?

Что-то щелкнуло, и другой, более высокий голос произнес:

– Эл Брегг?

– Да.

– Кто открыл счет?

– Управление космической навигации по распоряжению Планетологического института и Космической комиссии ООН, но это было сто двадцать семь лет тому назад...

– У вас есть какие-нибудь удостоверения?

– Нет, только карточка из лунного Адапта, от доктора Освамма...

– Отлично. Ваш счет: двадцать шесть тысяч четыреста семь итов.

– Итов?

– Да. Что вас еще интересует?

– Я хотел бы получить немного де... этих самых итов.

– В каком виде? Не хотите ли кальстер?

– Что это такое? Чековая книжка?

– Нет. Вы сможете сразу платить наличными.

– Ах, вот как! Отлично.

– На какую сумму открыть вам кальстер?

– Понятия не имею – тысяч на пять...

– Пять тысяч. Хорошо. Выслать в отель?

– Да. Одну минутку, я забыл, как он называется, этот отель.

– Это тот, из которого вы звоните?

– Тот самый.

– Это «Алькарон». Мы выйдем сейчас же. Только вот что: не изменилась ли ваша правая рука?

– Нет... а что?

– Ничего. В противном случае нам пришлось бы изменить кальстер. Вы сейчас его получите.

– Благодарю, – сказал я, кладя трубку. Двадцать шесть тысяч, сколько это? Я понятия не имел. Что-то забренчало. Радио? Телефон? Я поднял трубку.

– Брегг?

– Да, – ответил я. Сердце ударило сильнее, всего один раз. Я узнал ее голос. – Откуда ты узнала, где я? – спросил я, потому что она не сразу отозвалась.

– По Инфору. Брегг... Эл... послушай, я хотела тебе объяснить...

– Нечего объяснять, Наис.

– Ты злишься. Но пойми...

– Я не злюсь.

– Эл, правда? Приходи сегодня ко мне. Придешь?

– Нет, Наис, скажи, пожалуйста, сколько это – двадцать с лишним тысяч итов?

– Как это сколько? Эл... ты должен прийти.

– Ну... сколько времени можно на это прожить?

– Сколько угодно, мы ведь ничего не тратим на жизнь. Но не надо об этом. Эл, если бы ты захотел...

– Подожди. Сколько итов ты тратишь в месяц?

– По-разному. Иногда двадцать, иногда пять, а то и вообще ничего.

- Ага. Спасибо.
 - Эл! Послушай!
 - Я слушаю.
 - Это не может так кончиться...
 - Что кончится? – сказал я. – Ничего не начиналось. Благодарю тебя за все, Наис.
- Я положил трубку.

На жизнь почти ничего не тратят?.. Это в данную минуту интересовало меня больше всего. Что же, значит, какие-то вещи, какие-то услуги бесплатны?

- Снова телефон.
- Брегг слушает.
 - Приемная. Вам прислан кальстер из Омнилокса. Высылаю его в ваш номер.
 - Благодарю... Аллю!
 - Слушаю?
 - Нужно платить за номер?
 - Нет.
 - Скажите, а ресторан... есть в гостинице?
 - Да, четыре. Прислать вам завтрак в номер?
 - Хорошо, а за еду... платят?
 - Нет. Кальстер уже наверху. Завтрак будет через минуту.

Робот отсоединился, и я не успел спросить его, где мне искать этот кальстер. Я не имел ни малейшего представления, как он выглядит. Встав из-за столика, который тотчас съехал и увял в одиночестве, я увидел что-то вроде подставки, вырастающей из стены, возле двери; на ней лежал плоский предмет, завернутый в полупрозрачный пластик и похожий на небольшой портсигар. С одной стороны шел ряд окошечек, цифры в них образовывали 1001110001000. Ниже две малюсенькие кнопочки с цифрами «один» и «ноль». Я смотрел, ошарашенный, и вдруг понял, что это записано 5 тысяч в двоичной системе. Я нажал кнопку с единичкой, и на ладонь вывалился крохотный пластмассовый треугольничек с выдавленным на нем «1». Значит, это было нечто вроде устройства, печатающего или отливающего деньги, в пределах суммы, обозначенной в окошках, – число уменьшилось на единицу.

Я оделся и уже собирался выйти, но тут вспомнил об Адапте. Я позвонил туда и объяснил, что не смог найти их человека в Терминале.

– Мы уже беспокоились о вас, – отозвался женский голос, – но сегодня с утра узнали, что вы поселились в «Алькароне»...

Они знали, где я нахожусь. Почему же они не разыскали меня в порту? Несомненно, нарочно: рассчитывали, что, заблудившись, я пойму, как неуместен был мой «бунт» на Луне.

– У вас великолепно поставлена информация, – ответил я с изысканной вежливостью. – Пока что я отправляюсь осматривать город. Позвоню вам позже.

Я вышел из комнаты; серебряные движущиеся коридоры плыли здесь целиком, вместе со стенами – для меня это было новостью. Я отправился вниз по эскалатору; на каждом этаже мелькали бары, один был совершенно зеленый, словно погруженный в воду, каждый этаж имел свой цвет – серебро, золото, – все это начинало понемногу надоедать. Всего лишь за день! Странно, что им это нравилось. Впрочем... я вспомнил ночной вид на Терминал.

Нужно немного привести себя в порядок, с таким решением я вышел на улицу.

День был пасмурный, но облака светлые, высокие, и солнце временами пробивалось сквозь них. Только теперь с бульвара, где в два ряда стояли огромные пальмы с розовыми, как языки, листьями, я увидел панораму города. Дома располагались отдельными островками, кое-где в небо вонзались иглы небоскребов, словно взметнувшиеся на невероятную высоту и окаменевшие в полете струи. Они вздымались не меньше чем на километр. Я знал – кто-то мне говорил еще на Луне, – что их теперь уже не строят, что мода на них скончалась естествен-

ной смертью именно после постройки этих гигантов. Они высились памятниками быстро угасшей архитектурной эпохи – ведь, кроме высоты, изуродованной худосочностью, они ничем не радовали глаз. Темно-коричнево-золотые, бело-черные в поперечную полоску или серебряные – словно трубы, которые не то поддерживают, не то ловят облака; выступавшие на фоне неба посадочные площадки на трубчатых опорах напоминали этажерки.

Несравненно красивее были новые дома. В них не было окон, и это позволяло целиком расписывать стены. Весь город казался одним гигантским вернисажем, на котором соперничали мастера цвета и формы. Не скажу, что мне нравилось все, что украшало эти двадцати- и тридцатизэтажные сооружения, но, учитывая мой почти стопятидесятилетний возраст, меня, пожалуй, нельзя было обвинить в излишнем консерватизме. Больше всего мне понравились здания с висячими садами, часто пальмовыми. Полосы буйной зелени этих садов-оранжерей как бы рассекали на части фасады домов, их прозрачные стены создавали впечатление легкости. Верхние этажи словно покоились на воздушных подушках.

По бульвару мимо мясистых пальм, которые мне как-то особенно не понравились, неслись два потока черных машин. Я уже знал, что они называются глидерами. Над домами появились летающие машины, но не похожие ни на самолеты, ни на вертолеты. Больше всего они походили на заточенные с двух концов карандаши.

Поток пешеходов на тротуарах был куда реже, чем в мое время. Движение вообще было в значительной мере разгружено, особенно пешеходное, может быть, благодаря увеличению количества горизонтов; ведь под тем городом, который я сейчас видел, простирались его следующие, более глубокие, подземные этажи, с улицами, площадями, магазинами; Инфор на углу как раз сказал мне, что покупки лучше всего производить на уровне Серееан. То ли этот Инфор был какой-то гениальный, то ли я уже научился немного лучше изъясняться, во всяком случае, я заполучил здесь в собственность пластиковую книжечку с четырьмя раскладывающимися страницами – схемами городских коммуникаций. Если нужно было куда-нибудь попасть, достаточно было коснуться названий улицы, уровня, площади – и на карте сразу же вспыхивал план всех необходимых маршрутов. Можно было также отправиться на глидере. Или на расте. Наконец пешком; поэтому карт было всего четыре. Но я уже на собственном опыте знал, что пешеходные маршруты (даже по движущимся тротуарам и эскалаторам) отнимали слишком много времени.

Серееан, по-видимому, был третьим по счету горизонтом. И снова меня поразил вид города: выйдя из тоннеля, я оказался не на подземной магистрали, а на улице под ясным небом, в полном свете полуденного солнца. Посреди площади росли огромные пинии, вдали голубели полосатые небоскребы, а дальше, через площадь, за бассейном, в котором дети взбивали воду, разъезжая на пестрых аквапедлах, возвышался разрезанный поясами зелени белый многоэтажный дом, на крыше которого сверкал, как стекло, какой-то странный колпак. Жаль, некого было спросить, каким чудом я вместо подземелья оказался вновь под открытым небом! Но тут вдруг желудок напомнил, что я еще не завтракал; совсем забыв, что завтрак должны были принести в номер, я вышел из отеля, не дождавшись обещанного. А может, робот из приемной что-нибудь перепутал?

Итак, к Инфору; теперь я уже ничего не предпринимал, не расспросив сначала толком, что и как; через Инфор можно было даже заказать глидер, но об этом я еще не решался просить, потому что не знал, как в него садиться и вообще что с ним делать; впрочем, это было не к спеху.

В ресторане, едва лишь взглянув в меню, я понял, что для меня это китайская грамота, и решительно приказал принести завтрак, обычный завтрак.

– Озот, кресс или герма?

Будь официант человеком, я попросил бы его принести что-нибудь по собственному выбору, но это был робот. Ему было все равно.

- А кофе у вас есть? – опасливо спросил я.
 - Есть. Кросс, озот или герма?
 - Кофе и это... ну, то, что больше всего подходит к кофе... этот, как его...
 - Озот, – сказал он и отошел.
- Удача!

Не иначе как все это было у него заранее приготовлено, потому что он тотчас же вернулся, неся такой заставленный поднос, что я заподозрил было какой-то подвох или насмешку. Но, взглянув на поднос, отчетливо ощутил, что, кроме вчерашнего бонса и бокала пресловутого брита, у меня ничего не было во рту с самого приезда.

Все блюда казались совершенно незнакомыми, кроме кофе, напоминающего отлично приготовленную смолу. Сливки в крохотных голубых крапинках наверняка не имели никакого отношения к корове. Жаль, не было никого, чтобы подсмотреть, как со всем этим управляться, – время завтрака, по-видимому, миновало, потому что я был здесь один. Серповидные тарелочки с дымящейся массой, из которой торчали вроде бы кончики спичек, посреди как будто печеное яблоко; понятно, это оказалось не яблоко и не спички; а то, что я принял за овсяные хлопья, вдруг начало разрастаться, когда я его коснулся ложечкой.

Я был безумно голоден и проглотил все, без хлеба (которого не было и в помине). Моя хлебная ностальгия, носившая скорее философический оттенок, появилась лишь потом, почти одновременно с роботом, который остановился в некотором отдалении.

- Сколько? – спросил я.
- Благодарю, ничего, – ответил он.

Пожалуй, он походил все-таки больше на прибор, чем на человека. Единственный, круглый, кристаллический глаз. Что-то шевелилось внутри него, но я не отважился заглядывать ему в брюхо. Даже чаевые некому было дать! Неизвестно, поймет ли он, если я попрошу газету. А может, газет уже и не существует. Я решил сам отправиться на поиски. Но сразу же наткнулся на Бюро Путешествий, и меня словно осенило. Я вошел.

Под изумрудными арками огромного серебристого зала (всем этим обилием расцветок я уже был сыт по горло) было почти пусто. Матовые стекла, гигантские цветные фотографии каньона Колорадо, кратера Архимеда, ущелий Деймоса, Палм-Бич, Флориды – все это было сделано так, что ощущалась глубина, даже волны катились, как будто это не фотографии, а окна, распахнутые в открытые просторы. Я подошел к окошку с табличкой **ЗЕМЛЯ**.

Там, разумеется, сидел робот. На сей раз золотого цвета. Точнее, позолоченный.

– Чем могу быть полезен? – спросил он. Голос был глубокий. Закрыв глаза, можно было бы поклясться, что говорит крепкий, темноволосый мужчина.

– Мне бы хотелось чего-нибудь примитивного, – сказал я. – Я только что вернулся из длительного путешествия. Чрезмерного комфорта я не требую. Спокойное место, вода, деревья, могут быть горы. Чтобы было примитивно и по старинке. Как лет сто назад. Нет ли чего-нибудь в этом роде?

– Раз вы заказываете, у нас должно быть. Скалистые горы. Форт Плумм, Майорка, Антильские острова.

- Поближе, – сказал я. – Так... в радиусе до тысячи километров. А?
- Клавестра.
- Где это?

Я заметил, что с роботами мне легче разговаривать: они ничему не удивляются. Они не умеют. Это было мудро придумано.

– Старинный горняцкий поселок вблизи Тихого океана. Рудник, неразрабатываемый вот уже четыреста лет. Увлекательные путешествия подземными эскалаторами. Удобное сообщение ульдерами и глидерами. Дома отдыха с медицинским персоналом, сдаются виллы с садом, купальным бассейном, климатической стабилизацией. Местный филиал нашего бюро органи-

зует всевозможные развлечения, экскурсии, игры, дружеские встречи. На месте – реал, мут и стереон.

– Да, это, пожалуй, для меня, – сказал я, – вилла с садом. И чтобы была вода. Бассейн, не так ли?

– Разумеется. Бассейн с трамплином, искусственные озера с подводными пещерами, прекрасно оборудованный район для аквалангистов, подводные феерии...

– Ладно, феерии мы оставим в покое. Сколько стоит?

– Сто двадцать итов ежемесячно. Но если вместе еще с кем-нибудь, то всего сорок.

– Вместе?

– Виллы очень просторны. От двенадцати до восемнадцати помещений – автоматическое обслуживание, приготовление еды на месте, питание стандартное или экзотическое, на выбор...

– М-да. Пожалуй, действительно... хорошо. Моя фамилия Брегг. Я согласен. Как это называется? Клавестра? Платить сейчас же?

– Как угодно.

Я протянул ему кальстер.

Оказалось – я этого не знал, – что только я могу его включать, но робот, разумеется, нисколько не удивился моему невежеству. Эти роботы начинали мне нравиться все больше. Он показал, как сделать, чтобы изнутри выпадал только один жетон с необходимой цифрой. Ровно на столько же уменьшалось число в окошечках наверху, показывающее состояние счета.

– Когда я могу выехать?

– Когда пожелаете. В любую минуту.

– Ах да, а с кем я буду делить эту виллу?

– Марджеры. Он и она.

– Кто они такие?

– Могу сообщить только, что это молодожены.

– Хм. Я им не помешаю?

– Нет, поскольку половина виллы сдается. Весь второй этаж будет принадлежать исключительно вам.

– Ну хорошо. А как я туда попаду?

– Лучше всего ульдером.

– Как это сделать?

– Я закажу вам ульдер на тот день и час, который вы укажете.

– Я позвоню из отеля. Это возможно?

– Как вам будет угодно. Плата насчитывается с той минуты, как вы войдете в виллу.

В моей голове начинал неясно вырисовываться некий план. Накуплю книжек и всякой спортивной всячины. Первым делом – книги. И еще нужно подписаться на специальные журналы. Социология, физика. Они, наверно, сделали кучу дел за эти сто лет. Ах да, нужно еще купить какой-нибудь костюм.

И снова что-то спутало мои карты. Повернув за угол, я вдруг, не веря собственным глазам, увидел автомобиль. Настоящий автомобиль. Ну, может быть, не совсем такой, какие я помнил, – кузов, казалось, состоял из одних только острых углов. Но это был самый настоящий автомобиль, с надувными шинами, дверцами, рулем, и за ним стояли другие автомобили. Все за большой витриной; на ней огромными буквами – **АНТИКВАРИАТ**. Я вошел. Хозяин – или продавец – человек, не робот. «Жаль», – подумал я.

– Нельзя ли купить автомобиль?

– Разумеется. Какой вам угодно?

– Сколько они стоят?

– От четырехсот до восьмисот итов.

«Солидно!» – подумал я. Ну что ж, за древности приходится раскошеливаться.

– А на нем можно ездить?

– О, конечно. Не всюду, правда, есть запрещенные места, но в общем вполне возможно.

– А как с горючим? – осторожно спросил я, не имея ни малейшего понятия, что там было под капотом.

– О, это не доставит вам хлопот. Один заряд обеспечит вас на все время жизни машины.

С учетом парастатов, разумеется.

– Отлично, – сказал я. – Я бы хотел что-нибудь мощное, прочное. Не очень большое, но быстрое.

– Тогда я посоветовал бы вам вот этот Джабиль или вон ту модель...

Он провел меня в глубину большого зала вдоль машин, сверкавших, как новенькие.

– Конечно, – продолжал продавец, – с глидерами они тягаться не могут, но, с другой стороны, автомобиль ведь сегодня уже не средство сообщения.

«А что же?» – хотел я спросить, но промолчал.

– Хорошо... Сколько стоит вот эта машина? – И указал на светло-голубой лимузин с глубоко сидящими серебряными фарами.

– Четыреста восемьдесят итов.

– Но он нужен мне в Клавестре, – продолжал я. – Я снял там виллу. Точный адрес вам может сообщить Бюро Путешествий, тут, за углом...

– Отлично, все в порядке. Можно послать с ульдером: это бесплатно.

– Вот как? Я тоже еду туда на ульдере.

– Вам достаточно сообщить нам дату, мы доставим машину к вашему ульдеру, это будет проще всего. Разве что вы хотели бы...

– Нет, нет. Пусть будет так, как вы предлагаете.

Я заплатил за машину – с кальстером я уже обращался почти умело – и вышел из антиквариата, наполненного запахом лака и резины. Благословенный аромат!

С одеждой все сразу пошло из рук вон плохо. Не было почти ничего привычного. Зато выяснилось наконец назначение загадочных сифонов, тех, в ванном шкафчике с надписью: «Купальные халаты». Не только такой халат, но и костюмы, чулки, свитеры, белье – все делалось из выдувного пластика. Понятно, женщинам это должно было нравиться – манипулируя несколькими сифонами, можно было всякий раз создавать себе новый наряд, даже на единственный случай; сифоны выделяли жидкость, которая тут же застывала в виде ткани с гладкой или шершавой фактурой: бархата, меха или упругой с металлическим отливом. Конечно, не все женщины занимались этим сами, были специальные школы пластования (вот чем занималась Наис). Но в общем вся эта технология породила моду «в обтяжку», которая мне не очень-то подходила. Сама процедура одевания с помощью сифонов тоже показалась мне чересчур хлопотной. Были и готовые вещи, но и эти меня не устраивали; даже самым большим недоставало чуть ли не четырех номеров до моих размеров. В конце концов я решился прибегнуть к помощи сифонов – видно было, что моя рубашка не долго протянет. Можно было, конечно, доставить остатки вещей с «Прометей», но там у меня тоже не было вечерних белоснежных рубаш – в окрестностях планетной системы Фомальгаут они не так уж необходимы. В общем, я остановился на нескольких парах рабочих брюк для работы в саду, лишь они имели относительно широкие штанины, которые можно было попробовать надставить; за все вместе я выложил один ит – ровно столько стоили эти штанишки. Остальное шло даром. Я велел прислать вещи в отель и уже просто из любопытства дал себя уговорить заглянуть в салон мод. Меня принял субъект, выглядевший как свободный художник, оглядел меня, согласился, что мне идут просторные вещи; я заметил, что он не был от меня в восторге. Я от него тоже. Кончилось все это тем, что он сделал мне тут же несколько свитеров. Я стоял подняв руки, а он вертелся вокруг меня, оперируя сразу четырьмя флаконами. Жидкость, белая, как пена, на воздухе

моментально застывала. Таким образом были созданы четыре свитера самых разных цветов, один с полоской на груди, красное на черном; самой трудной, как я заметил, была отделка воротника и манжет. Тут действительно требовалось мастерство.

Обогадившись этими впечатлениями, которые вдобавок ничего мне не стоили, я оказался на улице в самый разгар дня. Глидеров стало как будто меньше, зато над крышами появилось множество сигарообразных машин. Толпы плыли по эскалаторам на нижние этажи, все спешили, только у меня было времени хоть отбавляй. Часок погрелся на солнышке, сидя под рододендронами со следами жесткой шелухи там, где отмерли листья, потом вернулся в отель. В холле мне вручили аппаратик для бритья; занявшись этой процедурой в ванной, я вдруг заметил, что мне приходится немного наклоняться к зеркалу, хотя я помнил, что накануне мог рассмотреть себя в нем не наклоняясь. Разница была ничтожная, но еще раньше, снимая рубаху, я заметил нечто странное: она стала короче. Ну, так, словно села. Теперь я внимательно присмотрелся к ней. Воротничок и рукава совершенно не изменились. Я положил ее на стол. Она была точно такая же, как раньше, но, когда я ее натянул на себя, края оказались чуть ниже пояса. Это не она, это я изменился. Я вырос.

Мысль абсурдная, и все-таки она обеспокоила меня. Я вызвал внутренний Инфор и попросил сообщить мне адрес врача – специалиста по космической медицине. В Адапте я предпочитал не появляться как можно дольше. После непродолжительного молчания – казалось, автомат задумался – я услышал адрес. Доктор жил на той же улице, несколькими кварталами дальше. Я отправился к нему. Робот провел меня в большую затемненную комнату. Кроме меня, здесь не было никого.

Минуту спустя вошел врач. Он выглядел так, как будто сошел с семейной фотографии в кабинете моего отца. Маленький, но не худой, с седой бородкой, в золотых очках – первые очки, которые я увидел на человеческом лице с момента возвращения. Его звали доктор Жуффон.

– Эл Брегг? – спросил он. – Это вы?

– Я.

Он долго молчал, разглядывая меня.

– Что вас беспокоит?

– По существу, ничего, доктор, только... – Я рассказал ему о своих странных наблюдениях.

Он молча открыл передо мной дверь. Мы вошли в небольшой кабинет.

– Разденьтесь, пожалуйста.

– Совсем? – спросил я, оставшись в брюках.

– Да.

Он осмотрел меня.

– Теперь таких мужчин нет, – пробормотал он, будто говорил сам с собой.

Прикладывая к груди холодный стетоскоп, выслушал сердце. «И через тысячу лет будет так же», – подумал я, и эта мысль доставила мне крохотное удовлетворение. Он измерил мой рост и велел лечь. Внимательно посмотрел на шрам под правой ключицей, но не сказал ничего. Осмотр длился почти час.

Рефлексы, емкость легких, электрокардиограмма – ничего не было забыто. Когда я оделся, он присел за маленький черный столик. Скрипнул выдвинутый ящик, в котором он что-то искал. После всей этой мебели, которая начинала вертеться при виде человека, как падочная, этот старенький столик пришелся мне как-то особенно по душе.

– Сколько вам лет?

Я объяснил ему, как обстоят дела.

– У вас организм тридцатилетнего мужчины, – сказал он. – Вы гибернезировались?

– Да.

- Долго?
- Год.
- Зачем?
- Мы возвращались на ускорении. Пришлось лечь в воду. Амортизация, понимаете, ну а в воде трудно пролежать целый год, бодрствуя...
- Понятно. Я полагал, что вы гибернезировались дольше. Этот год можете спокойнейшим образом вычесть. Не сорок, а только тридцать девять лет.
- А... рост?
- Это чепуха, Брегг. Сколько у вас было?
- Ускорение? Два g.
- Ну вот, видите! Вы думали, что растете, а? Нет. Не растете. Это просто межпозвоночные диски. Знаете, что это такое?
- Да, это такие хрящи в позвоночнике...
- Вот именно. Они разжимаются сейчас, когда вы освободились из-под этого пресса. Какой у вас рост?
- Когда мы улетали – сто девяносто семь.
- А потом?
- Не знаю. Не измерял; не до этого было, понимаете...
- Сейчас в вас два метра два.
- Хорошенькое дело, – пробормотал я, – и долго еще так протянется?
- Нет. Вероятно, уже все... Как вы себя чувствуете?
- Хорошо.
- Все кажется легким, да?
- Теперь уже меньше. В Адапте, на Луне, мне дали какие-то пилюли для уменьшения напряжения мышц.
- Вас дегравитировали?
- Да. Первые три дня. Говорили, что это недостаточно после стольких лет, но, с другой стороны, не хотели держать нас после всего этого взаперти...
- Как самочувствие?
- Ну... – начал я неуверенно, – временами... я себе кажусь неандертальцем, которого привезли в город...
- Что вы собираетесь делать?
- Я сказал ему о вилле.
- Это, может быть, и не так уж плохо, – сказал он, – но...
- Адапт был бы лучше?
- Я этого не сказал. Вы... а знаете ли, что я вас помню?
- Это невозможно! Ведь вы же не могли...
- Нет. Но я слышал о вас от своего отца. Мне тогда было двенадцать лет.
- О, так это было, очевидно, уже много лет спустя после нашего отлета, – вырвалось у меня, – и нас еще помнили? Странно.
- Не думаю. Странно скорее то, что вас забыли. Ведь вы же знали, как будет выглядеть возвращение, хоть и не могли, конечно, все это себе представить?
- Знал.
- Кто вас ко мне направил?
- Никто. Вернее, Инфор в отеле. А что?
- Занятно, – сказал он. – Дело в том, что я не врач, собственно.
- Как!
- Я не практикую уже сорок лет! Занимаюсь историей космической медицины, потому что это уже история, Брегг, и, кроме как в Адапте, работы для специалистов уже нет.

– Простите, я не знал.

– Чепуха. Скорее я должен вас благодарить. Вы – живой аргумент против утверждений школы Милльмана, считающей, что увеличенная тяжесть вредно влияет на организм. У вас даже нет расширения левого предсердия, ни следа эмфиземы... и великолепное сердце. Но ведь вы это сами знаете?

– Знаю.

– Как врачу, мне нечего добавить, Брегг, но, видите ли... – Он был в нерешительности.

– Да?

– Как вы ориентируетесь в нашей... нынешней жизни?

– Туманно.

– Вы седой, Брегг.

– Разве это имеет какое-нибудь значение?

– Да. Седина означает старость. Никто сейчас не седеет, Брегг, до восьмидесяти, да и после это довольно редкий случай.

Я понял, что это правда: я почти совсем не видел стариков.

– Почему?

– Есть соответствующие препараты, лекарства, останавливающие процесс поседения. К тому же можно восстановить первоначальный цвет волос, хотя это утомительная процедура.

– Ну хорошо... – сказал я. – Но зачем вы мне это говорите?

Я видел, что он никак не решается.

– Женщины, Брегг, – коротко ответил он.

Я вздрогнул.

– Вы хотите сказать, что я выгляжу как... старик?

– Как старик – нет, скорее как атлет... но вы ведь не разгуливаете нагишом. Особенно когда сидите, вы выглядите... то есть случайный прохожий примет вас за омолодившегося старика. После восстановительной операции, подсадки гормонов и тому подобного.

– Ну что ж... – сказал я. Не знаю, почему я чувствовал себя так мерзко под его спокойным взглядом. Он снял очки и положил их на стол. Его голубые глаза чуточку слезились.

– Вы многого не понимаете, Брегг. Если бы вы собирались до конца жизни посвятить себя самоотверженной работе, ваше «ну что ж» было бы, возможно, уместным, но... то общество, в которое вы возвратились, не пылает энтузиазмом к тому, за что вы отдали больше, чем жизнь.

– Не нужно таких слов, доктор.

– Я говорю так, потому что так думаю. Отдать жизнь, что ж? Люди делали это испокон веков... но отдать всех друзей, родных, знакомых, женщин – ведь вы же пожертвовали всем этим, Брегг!

– Доктор...

Это слово с трудом прошло сквозь гортань. Я оперся локтем о старый стол.

– И, кроме горсточки специев, это не интересует никого, Брегг. Вы это знаете?

– Да. Мне сказали об этом на Луне, в Адапте... только... они выразили это... мягче.

Мы замолчали.

– Общество, в которое вы возвратились, стабилизировалось. Оно живет спокойно. Понимаете? Романтика раннего периода космонавтики кончилась. Это напоминает историю Колумба. Его путешествие было чем-то необычным, но кто интересовался капитанами парусников спустя двести лет? О вашем возвращении поместили две строчки в реале.

– Доктор, но это ведь не имеет никакого значения, – сказал я. Его сочувствие начинало меня раздражать еще больше, чем равнодушие других. Но этого я не мог ему сказать.

– Имеет, Брегг, хотя вы не хотите согласиться с этим. Если бы на вашем месте был кто-нибудь другой, я бы промолчал, но вы имеете право знать правду. Вы одиноки. Человек не может жить одиноко. Ваши интересы, все то, с чем вы вернулись, – это островок в море безраз-

личия. Сомневаюсь, многие ли захотят слушать то, что вы могли бы рассказать. Я бы захотел, но мне восемьдесят девять лет...

– Мне нечего рассказывать, – желчно ответил я. – Во всяком случае, ничего сенсационного. Мы не открыли никакой галактической цивилизации, кроме того, я был всего лишь пилотом. Я вел корабль. Кто-то должен был это сделать.

– Вот как? – тихо сказал он, поднимая седые брови. Внешне я был спокоен, но мною овладело бешенство.

– Так! И тысячу раз так! А это равнодушие, сейчас – если уж вы хотите знать – задевает меня только из-за тех, кто не вернулся...

– Кто не вернулся? – спросил он совершенно спокойно.

Я успокоился.

– Многие. Ардер, Вентури, Эннессон. Зачем вам, доктор...

– Я спрашиваю не из праздного любопытства. Это была – поверьте, я тоже не люблю громких слов, – это была как бы моя собственная молодость. Из-за вас я посвятил себя своей профессии. Мы с вами равны своей бесполезностью. Вы, разумеется, можете с этим не соглашаться. Я не буду настаивать. Но мне хотелось бы знать. Что произошло с Ардером?

– Точно неизвестно, – ответил я. Мне вдруг все стало безразлично. Почему бы в конце концов не рассказать? Я уставился на потрескавшийся черный лак столика. Никогда не думал, что это так будет выглядеть.

– Мы вели два зонда над Арктуром. Я потерял с ним связь. Не мог его отыскать. Это его радио замолчало, не мое. Когда у меня кончился кислород, я вернулся.

– Вы ждали?

– Да. В общем я кружился вокруг Арктура шесть дней. Если говорить точно, сто пятьдесят шесть часов.

– Один?

– Да. Мне не повезло, на Арктуре появились новые пятна, и я полностью потерял связь с «Прометеем». Со своим кораблем. Магнитные бури. Без радио нельзя вернуться. Я имею в виду Ардера. В этих зондах локатор сопряжен с радио. Он не мог вернуться без меня и не вернулся. Гимма вызывал меня. Он был прав, потому что я потом рассчитал – просто так, чтобы убить время, – какова была вероятность, что я найду Ардера с помощью радара, – я уже не помню точно, но это было что-то вроде одного к триллиону. Надеюсь, он сделал то же, что Арне Эннессон.

– Что сделал Арне Эннессон?

– Потерял фокусировку пучка. Начала падать тяга. Он еще мог удержаться на орбите, ну, скажем, сутки, идя по спирали, и в конце концов свалился бы на Арктур, поэтому он предпочел сразу войти в протуберанец. Сгорел почти на моих глазах.

– Сколько всего было пилотов, кроме вас?

– На «Прометее» пять.

– Сколько вернулось?

– Олаф Стааве и я. Я знаю, о чем вы думаете, доктор, – что это героизм. Я тоже так думал когда-то, когда читал книги о таких людях. Это неправда. Слышите, что я вам говорю? Если бы я мог, я бросил бы этого Ардера и вернулся сразу, но я не мог. Он тоже не смог бы. Ни один не смог бы. Гимма тоже.

– Почему вы так на этом... настаиваете? – спросил он тихо.

– Потому что есть разница между героизмом и необходимостью. Я сделал то, что сделал бы каждый. Доктор, чтобы это понять, нужно побывать там. Человек – это такая крохотная капелька. Какая-нибудь расфокусировка тяги или размагничение полей – начинается вибрация, и мгновенно свертывается кровь. Поймите, я говорю о дефектах, не о внешних причинах, вроде метеоров. Достаточно ничтожной дряни, какого-нибудь перегоревшего проводничка в

аппаратуре связи, и готово. Если бы в этих условиях еще и люди подводили, то экспедиции были бы просто самоубийством, понимаете? – Я прикрыл глаза. – Доктор, неужели сейчас не летают? Как это могло случиться?

– Вы бы полетели?

– Нет.

– Почему?

– Я скажу вам. Никто из нас не полетел бы, если бы знал, как там будет. Этого никто не знает. Никто из тех, кто там не побывал. Мы были горсточкой смертельно испуганных, впавших в отчаяние животных.

– Это не вяжется с тем, что вы только что говорили.

– Не вяжется. Но так было. Мы боялись. Когда я ждал Ардера, доктор, и кружил вокруг этого солнца, я навывдумывал для себя всяких людей и разговаривал с ними, говорил за них и за себя, и под конец поверил, что они рядом со мной. Каждый спасался как умел. Вы подумайте, доктор. Я сижу тут, перед вами, я нанял себе виллу, купил старый автомобиль, я хочу учиться, читать, плавать, но все, что было, – во мне. Оно во мне, это пространство, эта тишина, и то, как Вентури звал на помощь, а я, вместо того чтобы спасти его, дал полный назад.

– Почему?

– Я вел «Прометей». У Вентури забарахлил реактор. Он мог разнести нас всех. Он не разлетелся, не разнес бы.

Может, мы сумели бы его вытянуть, но я не имел права рисковать. Тогда, с Ардером, было наоборот. Я хотел его спасти, а Гимма меня вызывал, потому что боялся, что мы оба погибнем.

– Брегг, скажите... чего вы ждали от нас? От Земли?

– Понятия не имею. Я никогда об этом не думал. Мы говорили об этом, как говорят о загробной жизни, как о рае, но представить себе этого не мог никто. Довольно, доктор. Я не хочу больше говорить об этом. Я хотел спросить вас об одном. Что такое эта... бетризация?

– Что вы о ней знаете?

Я рассказал ему. Конечно, ничего о том, от кого и при каких обстоятельствах узнал.

– Так, – сказал он. – Примерно так... в представлении среднего человека это именно так.

– А я?

– Закон делает для вас исключение, потому что бетризация взрослых небезопасна для здоровья, скорее даже опасна. Кроме того, считается – я думаю, правильно, – что вы прошли проверку... моральных качеств. И потом, вас... мало.

– Еще одно, доктор. Вы говорили о женщинах. Зачем вы мне это сказали? Может быть, я вас задерживаю?

– Нет. Не задерживаете. Зачем сказал? Каких близких может иметь человек, Брегг? Родителей. Детей. Друзей. Женщин. Родителей или детей у вас нет. Друзей у вас быть не может.

– Почему?

– Я не имею в виду ваших товарищей, хотя не знаю, захотите ли вы все время оставаться с ними, вспоминать...

– О небо, с какой стати! Ни за что!

– Ну вот! Вы знаете две эпохи. В одной вы провели молодость, а другую познаете теперь. Если добавить эти десять лет, ваш опыт несравним с опытом любого вашего ровесника. Значит, они не могут быть вашими равноправными партнерами. Что же, среди стариков вам жить, что ли? Остаются женщины, Брегг. Только женщины.

– Скорее одна женщина, – буркнул я.

– Насчет одной теперь трудно.

– Как это?

– Мы живем в эпоху благосостояния. В переводе на язык эротических проблем это означает – беспощадность. Ни любовь, ни женщину нельзя приобрести за деньги. Материальные факторы исчезли.

– И это вы называете беспощадностью, доктор?

– Да. Вы, наверно, думаете – раз я заговорил о купле любви, – что речь идет о проституции, скрытой или явной. Нет. Это уже очень давняя история. Раньше женщину привлекал успех. Мужчина импонировал ей своим заработком, профессиональным мастерством, положением в обществе. В равноправном обществе все это не существует. За редкими исключениями. Если б вы, например, были реалистом...

– Я реалист.

Он усмехнулся.

– Это слово теперь имеет иное значение. Так называется актер, выступающий в реале. Вы уже были в реале?

– Нет.

– Посмотрите парочку мелодрам, и вы поймете, в чем заключаются нынешние критерии эротического выбора. Самое важное – молодость. Потому-то все так борются за нее. Морщины, седина, особенно преждевременная, вызывают почти такие же чувства, как в давние времена проказа...

– Почему?

– Вам это трудно понять. Но аргументы здравого смысла бессильны против господствующих обычаев. Вы все еще не отдаете себе отчета в том, как много факторов, игравших раньше решающую роль в эротической сфере, исчезло. Природа не терпит пустоты: их должны были заменить другие. Возьмите хотя бы то, с чем вы настолько сжились, что перестали даже замечать исключительность этого явления, – риск. Его теперь не существует, Брегг. Мужчина не может понравиться женщине бравадой, рискованными поступками, а ведь литература, искусство, вся культура целыми веками черпала из этого источника: любовь перед лицом смерти. Орфей спускался в страну мертвых за Эвридикой. Отелло убил из любви. Трагедия Ромео и Джульетты... Теперь нет уже трагедий. Нет даже шансов на их существование. Мы ликвидировали ад страстей, и тогда оказалось, что вместе с ним исчез и рай. Все теперь тепленькое, Брегг.

– Тепленькое?..

– Да. Знаете, что делают даже самые несчастные влюбленные? Ведут себя разумно. Никаких всплесков, никакого соперничества...

– Вы... хотите сказать, что все это... исчезло? – спросил я. Впервые я ощутил какой-то суеверный страх перед этим миром.

Старик молчал.

– Доктор, это невозможно. Как же так... неужели?

– Да. Именно так. И вы должны принять это, Брегг, как воздух, как воду. Я говорил вам, что насчет одной женщины трудно. На всю жизнь почти невозможно. Средняя продолжительность связей – около семи лет. Это все же прогресс. Полвека назад она равнялась едва четырем...

– Я не хочу вас больше задерживать, доктор. Что вы мне посоветуете?

– То, о чем я уже говорил, – восстановление первоначального цвета волос... это звучит банально, понимаю. Но это важно. Мне стыдно давать вам такой совет. Не за себя. Но что же я...

– Я благодарен вам. Серьезно. Последнее. Скажите... как я выгляжу... на улице? В глазах прохожих? Что во мне такого?

– Вы иной, Брегг. Во-первых, ваши размеры. Это какая-то «Илиада». Исчезнувшие пропорции... это даже может быть некоторым шансом, но вы ведь знаете судьбу тех, которые слишком выделяются.

– Знаю.

– Вы немного великоваты... таких я не помню даже смолоду. Сейчас вы выглядите как человек очень высокий и отвратительно одетый, но это не костюм виноват – просто вы такой уж неслыханно мускулистый. До полета тоже?

– Нет, доктор. Это все те же два g, я вам говорил.

– Возможно.

– Семь лет. Семь лет двойного ускорения. Конечно, все мышцы должны были увеличиться, брюшные, дыхательные, я знаю, как выглядит моя шея. Но иначе я бы задохнулся, как мышь. Мышцы работали, даже когда я спал. Даже во время гибернации. Все весило в два раза больше. Это все поэтому.

– Другие тоже?... Простите, что я спрашиваю, но это уж во мне заговорил врач... Видите ли, еще не было такой длительной экспедиции...

– Я знаю. Другие? Олаф почти такой же, как я. Наверно, это зависит от скелета, я всегда был ширококостный. Ардер был выше меня. Больше двух. Да, Ардер... О чем это я говорил? Другие? Я ведь был самый молодой и поэтому легче всех адаптировался. По крайней мере Вентури так утверждал... Вы знаете работы Янссена?

– Янссена? Это же наша классика, Брегг...

– Вот как? Смешно, это был такой подвижный маленький доктор... Знаете, я выдержал у него однажды семьдесят девять g в течение полутора секунд...

– Что?

Я улыбнулся.

– Это даже удостоверено. Но это было сто тридцать лет назад. Сейчас для меня и сорок слишком много.

– Брегг, да ведь сейчас никто и двадцати не выдержит!

– Почему? Неужели из-за этой бетризации?

Он молчал. Мне показалось, что он знает что-то такое, о чем не хочет мне сказать. Я встал.

– Брегг, – сказал он, – уж если мы об этом заговорили: будьте осторожны.

– В чем?

– Остерегайтесь себя и других. Прогресс никогда не доставался даром. Мы избавились от тысяч и тысяч опасностей, конфликтов, но за это пришлось платить. Общество стало мягче, а вы бываете... можете быть... слишком жестоким. Вы понимаете?

– Понимаю, – ответил я, вспоминая о том человеке, который смеялся в ресторане и замолчал, когда я к нему подошел.

– Доктор, – сказал я вдруг, – знаете... я встретил ночью льва. Даже двух. Почему они на меня не напали?

– Теперь нет хищников, Брегг... бетризация... Вы встретили его ночью? И что же вы сделали?

– Я его чесал под подбородком, – сказал я и показал как. – Но насчет «Илиады», доктор, это преувеличение. Я здорово испугался. Что я вам должен?

– Даже не вспоминайте об этом. И если вы когда-нибудь захотите...

– Благодарю вас.

– Но только не откладывайте слишком, – добавил он почти шепотом, когда я уже выходил. Только на лестнице я понял, что это означало: ему ведь было около девяноста лет.

Я вернулся в отель. В холле была парикмахерская. Конечно, ее обслуживал робот. Я попросил подстричь меня. Я порядочно зарос, волосы так и торчали над ушами. Больше всего

поседали виски. Когда робот кончил, я решил, что теперь выгляжу менее дико. Он мелодичным голосом спросил, не покрасить ли.

– Нет, – сказал я.

– Апрекс?

– Что это?

– Против морщин.

Я заколебался. Все это было страшно глупо, но, может быть, доктор все-таки был прав?

– Хорошо, – согласился я.

Он покрыл мое лицо слоем резко пахнувшего желатина, который стянулся как маска. Потом я лежал под компрессами, радуясь, что не вижу сам себя.

Я отправился наверх; в комнате уже лежали пакеты с жидким бельем, я сбросил одежду и вошел в ванную. Там было зеркало.

М-да. Я мог испугать кого угодно. Я и не подозревал, что выгляжу как ярмарочный силач. Бугры мускулов, торс, я весь был какой-то бугристый. Когда я поднял руку, грудная мышца напряглась, и в ней раскрылся глубокий шрам шириной в ладонь. Я попытался разглядеть второй, что был возле лопатки, из-за которого меня называли счастливчиком, – если б осколок прошел на три сантиметра левее, он раздробил бы мне позвоночник. Я стукнул себя по животу, твердому, как доска.

– Ты, скотина, – шепнул я в зеркало. Захотелось принять ванну, настоящую, без этих озонных вихрей... Утешила мысль о бассейне, который будет при вилле. Попытался надеть один из купленных нарядов, но никак не мог решиться расстаться с брюками. Поэтому натянул только белый свитер, хотя мой старый, черный, истрепанный на локтях, нравился мне больше, и отправился в ресторан.

Почти половина столиков была свободна. Пройдя три зала, я вышел на террасу; отсюда открывался вид на большие бульвары с нескончаемыми потоками глидеров; под облаками, как горный массив, поблекший в воздушной дымке, возвышался Терминал.

Я решил заказать обед.

– Что угодно? – Робот пытался вручить мне меню.

– Все равно, – ответил я. – Обычный обед.

Только начав есть, я обратил внимание на то, что столики вокруг меня пустуют. Я совершенно бессознательно искал уединения. Я даже не подозревал об этом. Я не замечал, что ем. Уверенность в том, что я все хорошо придумал, покинула меня. Отпуск... как будто я собирался сам себя вознаградить, если уж никто иной об этом не позаботился. Бесшумно подошел официант.

– Вы Брегг, не так ли?

– Да.

– У вас гость, в вашем номере.

– Гость?

Я сразу подумал о Наис. Допил темный пенистый напиток и встал, ощущая спиной провожающие меня взгляды. Неплохо было бы отпилить от себя хотя бы десяток сантиметров. В номере ждала молодая женщина, которую я никогда раньше не видел. Серое пушистое платье, алая фантазмагория вокруг плеч.

– Я из Адапта, – сказала она, – я разговаривала сегодня с вами.

– Ах, это были вы?

Я слегка насторожился. Что им от меня опять нужно? Она присела. Я тоже медленно опустился в кресло.

– Как вы себя чувствуете?

– Великолепно. Сегодня я был у врача. Он меня осмотрел. Вес в порядке. Я снял виллу, хочу немного почитать.

– Очень разумно. С этой точки зрения Клавестра – великолепное место. Там горы, спокойствие...

Она знала, что вилла в Клавестре. Следили они за мной, что ли? Я не шелохнулся, ожидая продолжения.

– Я принесла вам... это от нас.

Она показала небольшой пакет, лежавший на столе.

– Это самая последняя наша новинка, понимаете, – говорила она с несколько искусственным оживлением. – Ложась спать, вы включаете аппарат... и за несколько ночей самым простейшим способом узнаете без всяких усилий массу полезных вещей...

– Ах вот как! Замечательно, – сказал я.

Она улыбнулась, я тоже – вежливый ученик.

– Вы психолог?

– Да, вы угадали.

Она была в нерешительности. Я видел, что она хочет что-то сказать.

– Я слушаю...

– Вы на меня не обидитесь?

– С чего бы мне на вас обижаться?

– Потому что... видите ли... вы одеваетесь несколько...

– Знаю. Но мне нравятся эти брюки. Со временем, пожалуй...

– Ах, дело совсем не в брюках. Свитер...

– Свитер? – удивился я. – Мне его сегодня сделали, это ведь, кажется, последний крик моды, разве нет?

– Да-да. Только вы его напрасно так надули... вы разрешите?

– Прошу вас, – ответил я совсем тихо.

Она наклонилась в кресле, вытянутыми пальцами легко ударила меня в грудь и слабо вскрикнула:

– Что у вас там?

– Ничего, кроме меня самого, – ответил я, криво улыбаясь.

Она потерла ушибленные пальцы и встала. Злорадное удовлетворение вдруг покинуло меня, мое спокойствие стало теперь просто холодным.

– Ничего, садитесь.

– Но... я очень прошу вас извинить... я...

– Чепуха. И давно вы работаете в Адапте?

– Второй год...

– Вот как – и первый пациент? – Я показал на себя пальцем.

Она слегка покраснела.

– Разрешите вас спросить?

Ее веки затрепетали. Может быть, она воображала, что я собираюсь условиться с ней о свидании?

– Конечно...

– Как это делается, что на каждом горизонте города можно видеть небо?

Она оживилась.

– Это очень просто. Телевидение – так это раньше называлось. На потолках расположены экраны – они передают то, что над землей, – вид неба, тучи...

– Но ведь эти горизонты не так уж высоки, – сказал я, – а там стоят даже сорокаэтажные дома...

– Это иллюзия, – улыбнулась она, – только часть домов настоящая, остальные этажи продолжают на экранах. Понимаете?

– Понимаю как, но не понимаю зачем?

- Ну, чтобы ни на одном этаже жители не чувствовали себя обиженными. Ни в чем...
- Ага, – сказал я. – Да, это остроумно... и вот еще что. Я собираюсь отправиться за книгами. Посоветуйте мне что-нибудь из вашей области. Какие-нибудь... такие... компилятивные, обзорные...
- Вы хотите изучать психологию? – удивилась она.
- Нет, но я хочу знать, что вы сделали за это время...
- Я бы вам посоветовала Майссена... – сказала она.
- Что это такое?
- Школьный учебник.
- Я бы предпочел что-нибудь более серьезное. Справочники, монографии... лучше всего получать из первых рук...
- Это, вероятно, будет слишком... трудно...
- Она снисходительно улыбнулась.
- А может быть, и нет. В чем состоит трудность?
- Психология очень математизировалась...
- Я тоже. До того места, на котором оставил вас сто лет назад. Что, требуется больше?
- Но ведь вы же не математик?
- По специальности нет, но я изучал математику. На «Прометее». Там, видите ли, было очень много... свободного времени.

Удивленная, сбита с толку, она уже ничего больше не говорила. Выписала мне на карточку ряд названий. Когда она вышла, я вернулся к столу и тяжело сел. Даже она, сотрудница Адапта... Математика? Откуда? Дикарь, неандерталец! «Ненавижу их, – подумал я, – ненавижу, ненавижу». Я даже не сознавал, о ком думаю. Обо всех сразу. Да, обо всех. Меня обманули. Отправили меня, сами не зная, что творят, рассчитывали, что я не вернусь, как Вентури, Ардер, Томас, но я вернулся, чтобы они меня боялись, вернулся, чтобы быть угрызением совести, которому никто не рад. «Я не нужен», – подумал я. Если б я мог плакать. Ардер умел. Он говорил, что не нужно стыдиться слез. Я, наверное, солгал в кабинете доктора. Я не сказал об этом никому, никогда, но я не был уверен, что сделал бы это для кого-нибудь. Для Олафа, потом. Но я не был в этом абсолютно уверен. Ардер! Как мы верили им и все время чувствовали за собой Землю, верящую в нас, думающую о нас, живую. Никто не говорил об этом, зачем? Разве говорят о том, что очевидно?

Я встал. Я не мог сидеть. Я ходил из угла в угол.

Довольно. Я открыл дверь ванной, но ведь там не было даже воды, чтобы плеснуть себе в лицо. И что это за мысли, в конце концов! Чистейшая истерия!

Я вернулся в номер и начал упаковывать вещи.

III

Все послеобеденное время я провел в книжном магазине. Книг не было. Их не печатали уже без малого полсотни лет. А я так истосковался по ним после микрофильмов, составлявших библиотеку на «Прометее»! Увы! Уже нельзя было рыскать по полкам, взвешивать в руке тома, ощущать их многообещающую тяжесть. Книжный магазин походил скорее на лабораторию электроники. Книги – кристаллики с запечатленной информацией. Читали их с помощью оптона. Оптон напоминал настоящую книгу, только с одной-единственной страницей между обложками. От каждого прикосновения на ней появлялась следующая страница текста. Но оптоны употреблялись редко, как сообщил мне продавец-робот. Люди предпочитали лектоны – те читали вслух, их можно было отрегулировать на любой тембр голоса, произвольный темп и модуляцию. Только научные труды очень узкой специализации еще печатали на пластике,

имитирующем бумагу. Так что все мои покупки, хотя их было чуть ли не триста названий, уместились в одном кармане. Горсточка кристаллических зерен – так это выглядело.

Я выбрал много работ по социологии, истории, немного статистики, демографии и то, что девушка из Адапта посоветовала по психологии. Несколько солидных математических работ, солидных, конечно, по существу, а не по размеру. Робот, обслуживавший меня, заменял энциклопедию благодаря тому, что имел, по его словам, непосредственное подключение к оригиналам всех существующих на Земле книг. В основном в книжной лавке книги находились лишь в одном экземпляре, и по желанию покупателя содержание требуемого произведения переносилось на кристаллик.

Оригиналы – кристоматрицы – вообще нельзя было увидеть; они хранились за стальными плитами, покрытыми бледно-голубой эмалью. Таким образом, книгу как бы печатали каждый раз, когда ее кто-нибудь требовал. Исчезла проблема тиражей. Это, конечно, было огромным достижением, но мне все-таки жаль было книг. Разузнав, что еще существуют антиквариаты с бумажными книгами, я разыскал один из них. Меня постигло разочарование: научной литературы там почти не было. Развлекательные книжки, немного детских, несколько подшивок старых журналов.

Я купил (платить нужно было только за старые книги) несколько сказок сорокалетней давности, чтобы понять, что сейчас считают сказкой, и отправился в спортивный магазин. Здесь мое разочарование достигло предела. Легкая атлетика существовала в каком-то карликовом виде. Бег, толкание, прыжки, плавание и почти никаких элементов атлетической борьбы. Бокса вообще не было, а то, что называлось классической борьбой, было попросту смешным; какие-то тычки вместо порядочного боя. В проекционном зале магазина я посмотрел одну встречу на первенство мира и думал, что лопну от злости. Временами я хохотал как сумасшедший. Расспрашивал о вольной американской борьбе, о дзюдо, о джиу-джитсу, но никто даже не знал, что это такое. Понятно, ведь даже футбол скончался, не оставив потомства, ибо был игрой, в которой возможны острые схватки и травмы. Хоккей был, но какой! Играли в таких надутых комбинезонах, что игроки сами походили на огромные шары. Две такие команды, сталкивающиеся одна с другой, как резиновые мячи, выглядели потешно, но ведь это же был фарс, а не матч! Прыжки в воду, о да, но только с четырехметровой высоты. Я сразу же вспомнил о моем (моем!) бассейне и приобрел складной трамплин, чтобы надстроить тот, который будет в Клавестре. Все это измелывание было следствием бетризации. Я не жалел, что исчезли бои быков, петухов и прочие кровавые зрелища; профессиональным боксом я тоже никогда не восторгался. Но эта тепленькая каша, оставшаяся от настоящего спорта, тоже ни в малейшей мере меня не привлекала. Только в туризме вторжение техники в спорт казалось оправданным. Особенно распространен был туризм подводный. Я увидел всевозможные образцы аквалангов, маленькие электроторпеды для путешествий над дном озер, глассеры, гидраты,двигающиеся на подушке сжатого воздуха, водные микрогидеры, – и каждая машина снабжена была специальным устройством, предохраняющим от несчастных случаев.

Соревнования, даже самые популярные, ни в коей мере не были спортивными; разумеется, никаких лошадей, никаких автомобилей – в гонке участвовали автоматически управляемые машины, на которые можно было делать ставки. Традиционные первенства и чемпионаты значительно поблекли. Мне объяснили, что границы физических возможностей человека уже достигнуты и устанавливать новые рекорды может только человек, по силе или скорости уже ненормальный, какое-нибудь чудовище. Рассудком я понимал, что это так; впрочем, то, что выжившие после гекатомбы остатки атлетики широко распространились, было отрадно – и все-таки после этого трехчасового осмотра я вышел из магазина в полном смятении.

Отобранные гимнастические снаряды я попросил отправить в Клавестру. Подумав, отказался от глассера; хотел было купить яхту, но парусных не было – настоящих, с оснасткой;

были только какие-то жалкие корыта, до такой степени устойчивые, что я просто не понимал, какое удовольствие может доставлять подобный парусный спорт.

Когда я возвращался в отель, был уже вечер. С запада тянулись пушистые заалевшие облака, солнце заходило, появился молодой месяц, а в зените сверкал второй – какой-нибудь большой искусственный спутник. Над домами в вышине сутились летающие машины. Толпы прохожих поредели, зато стало больше глидеров, и появились, бросая полосы света на дорогу, те самые щелеобразные осветители, значение которых все еще оставалось для меня непонятным. Я возвращался другой дорогой и набрел на большой сад. Сначала мне даже показалось, что это Терминал, но тот, со стеклянной горой порта, маячил далеко в северной, возвышенной части города.

Вид был в общем необычен; когда все вокруг уже скрыла темнота, рассекаемая лишь уличными огнями, верхние этажи Терминала сверкали, как заснеженные альпийские вершины.

В парке было людно. Множество новых разновидностей деревьев, особенно пальм, цветущие кактусы без иголок, в дальнем уголке парка мне встретился старый каштан, которому было, наверно, лет двести. Трое таких, как я, не смогли бы охватить его. Я присел на скамеечку и засмотрелся в небо. Какими мирными, какими безобидными казались звездочки, помигивавшие и дрожащие в невидимых струях атмосферы, защищавшей от них Землю. В первый раз за столько лет я подумал о них – «звездочки». ТАМ никто не отважился бы так сказать, его приняли бы за сумасшедшего. Звездочки, да, конечно, прожорливые звездочки. Вдали над растворившимися в темноте деревьями взвился фейерверк, и я с ослепительной ясностью увидел Арктур, горы огня, над которыми летел, стуча зубами от холода, а иней на аппаратуре охлаждения таял и, красный от ржавчины, стекал по моему комбинезону. Я выхватывал пробы коронососом, вслушиваясь в свист моторов, не спадают ли обороты, потому что секундная авария, перебой обратили бы защитную оболочку, аппаратуру и меня в неуловимое облачко пара. Капля, упавшая на раскаленную плиту, не исчезает так быстро, как испаряется тогда человек.

Каштан уже почти отцвел. Я не любил аромата его цветов, но сейчас он напоминал мне что-то очень далекое, забытое. Над кустами все еще переливался блеск бенгальских огней, доносились звуки заглушавших друг друга оркестров, и каждую минуту возвращался, приносимый ветром, дружный вопль участников какого-то зрелища, наверно, американских гор. Мой уголок оставался почти безлюдным.

Внезапно из темной аллеи появилась черная высокая фигура. Листья уже казались серыми, и лицо этого человека я увидел лишь тогда, когда он, необычайно медленно, крохотными шажками, почти не отрывая ног от земли, приблизился ко мне и остановился в нескольких шагах. Его руки прятались в каких-то утолщенных раструбах, откуда выходили два тонких стержня, оканчивавшихся черными грушевидными расширениями. Он опирался на них, как человек, необычайно слабый. Он не смотрел на меня, не смотрел ни на что – смех, громкие крики, музыка, взрывы фейерверка, казалось, вообще не существуют для него. Так он постоял с минуту, тяжело дыша, и в свете повторяющихся фейерверков его лицо показалось мне таким древним, словно годы стерли с него всякое выражение, оставив лишь кожу да кости. Когда он уже собрался тронуться дальше, выбросив вперед эти странные груши или протезы, один из них скользнул, я вскочил со скамейки, чтобы поддержать его, но он сам удержался. Он был на голову ниже меня, но все-таки очень высокий для нынешних людей; его блестящие глаза смотрели на меня.

– Простите, – пробормотал я и хотел отойти, но остановился: в его глазах был какой-то приказ.

– Я вас уже видел где-то. Но где? – спросил он неожиданно сильным голосом.

– Сомневаюсь, – ответил я, покачивая головой. – Я только вчера вернулся... из очень далекой экспедиции.

– Откуда?

– Фомальгаут.

Его глаза сверкнули.

– Ардер! Том Ардер!!

– Нет, – сказал я. – Но я был с ним.

– А он?

– Погиб.

Он задохнулся:

– Помогите... мне... сесть...

Я обхватил его за плечи. Под черным скользким материалом прощупывались одни только кости. Медленно опустил его на скамейку. Стал рядом.

– Сядьте... тоже.

Я сел. Он все еще тяжело дышал, не открывая глаз.

– Это ничего... волнение, – шепнул он. Потом с трудом поднял веки и просто сказал: – Я Ремер.

У меня перехватило дыхание:

– Как... Вы... Вы? Сколько же...

– Сто тридцать четыре, – сухо ответил он. – Тогда мне было семь.

Я помнил его. Он приехал к нам со своим отцом, феноменальным математиком, который был ассистентом Геонидеса – создателя теории нашего полета. Ардер тогда показал ребенку наш большой испытательный зал, центрифугу – таким он и остался у меня в памяти: подвижный, словно искра, семилетний мальчонка, с черными отцовскими глазами; Ардер поднял его на руки, чтобы малыш мог вблизи рассмотреть гравикамеру, в которой сидел я.

Мы молчали. В этой встрече было что-то противоестественное. Сквозь темноту я вглядывался с какой-то ненасытной, болезненной жадностью в это невероятно старое лицо, и к горлу у меня подкатывался комок. Я пытался достать из кармана папиросу, но не мог ухватить ее, так дрожали руки.

– Что произошло с Ардером? – спросил он.

Я рассказал.

– Вы не нашли ничего?

– Нет. Там не находят... понимаете.

– Я принял вас за него...

– Понимаю. Рост и вообще...

– Да. Сколько вам теперь лет? Биологических...

– Сорок.

– Я мог бы... – прошептал он.

Я понял.

– Не жалейте, – твердо произнес я. – Не жалейте об этом. Не жалейте ни о чем, понимаете?

Он впервые перевел взгляд на меня.

– Почему?

– Потому что мне нечего тут делать, – ответил я. – Я никому не нужен. И мне... никто.

Он словно не слышал меня.

– Как вас зовут?

– Брегг. Эл Брегг.

– Брегг, – повторил он. – Брегг... нет. Не помню. Вы там были?

– Да. В Аппрену, когда ваш отец привез поправки, полученные Геонидесом за месяц до старта, выяснилось, что показатели рефракции в облаках космической пыли были занижены... Не знаю, говорит ли вам это что-нибудь? – нерешительно остановился я.

– Говорит. Еще бы, – ответил он с какой-то особенной интонацией. – Мой отец. Еще бы. В Аппрену? Что вы там делали? Где были?

– В гравитационной камере, у Янссена. Вы там были тогда, вас привел Ардер. Вы стояли наверху, на мостике, и смотрели, как мне дают сорок g. Когда я вылез, у меня из носа текла кровь... Вы дали мне свой платок...

– Ах! Так это были вы!

– Да.

– Мне казалось, что человек в камере был... темноволосый.

– Да. Они не светлые. Они поседели. Сейчас плохо видно.

И снова молчание, еще дольше, чем прежде.

– Вы, конечно, профессор? – спросил я, только ради того, чтобы прервать это молчание.

– Был. Теперь я... никто. Уже двадцать три года. Никто. – И еще раз, очень тихо, повторил: – Никто.

– Я покупал сегодня книги... среди них была топология Ремера. Это вы или ваш отец?

– Я. Вы разве математик?

Он взглянул на меня как бы с новым интересом.

– Нет, – ответил я. – Но... у меня было много времени... там. Каждый делал что хотел. Мне... помогла математика.

– Что вы хотите этим сказать?

– У нас была куча микрофильмов, рассказы, романы – все, что душе угодно. Вы же знаете, мы взяли триста тысяч наименований. Ваш отец помогал Ардеру комплектовать раздел математики...

– Знаю...

– Сначала мы смотрели на это как на развлечение. Чтобы убить время. Но уже несколько месяцев спустя, когда связь с Землей полностью прервалась и мы повисли вот так – совершенно неподвижно по отношению к звездам, – знаете, читать, как какой-то Петер нервно курил папиросу и мучился вопросом, придет ли Люси, и как она вошла, и на ней были перчатки... Сначала смеешься совершенно идиотским смехом, а потом просто злость разбирает. В общем, никто к этому потом даже не прикасался.

– И тогда – математика?

– Нет. Не сразу. Сначала я взялся за языки, понимаете, и я выдержал до конца, хотя знал, что это почти бесполезно, потому что, когда мы вернемся, они будут всего лишь архаическими диалектами. Но Гимма и особенно Турбер толкали меня к физике. Это, мол, может пригодиться. Я взялся за нее вместе с Ардером и Олафом Стааве, только мы трое не были учеными...

– Но ведь у вас была степень.

– Да, магистерская по теории информации, космодромии и диплом инженера-ядерщика, но это все было профессиональное, не теоретическое. Вы же знаете, как инженер владеет математикой. Да, так, значит, – физика. Но я хотел иметь еще что-нибудь – для себя. И вот – чистая математика. У меня никогда не было математических способностей. Ни малейших. Ничего, кроме упрямства.

– Да, – тихо сказал он. – Это было необходимо, чтобы... полететь.

– Точнее, чтобы попасть в состав экспедиции, – поправил я. – И знаете, почему именно математика? Я только там понял. Потому что она выше всего. Работы Абеля и Кронекера сегодня так же хороши, как четыреста лет назад, и так будет всегда. Возникают новые пути, но и старые ведут дальше. Они не зарастают. Там... там – вечность. Только математика не боится ее. Там я понял, как она беспредельна. И незыблема. Другого такого нет. И то, что она мне давалась тяжело, тоже было хорошо. Я бился над нею и, когда не мог заснуть, повторял пройденный днем материал...

– Интересно, – сказал он. Но в его голосе звучало равнодушие. Я не был уверен, слушает ли он меня.

В глубине парка пролетали огненные столбы, вспыхивало красное и зеленое зарево, сопровождаемое радостным хором восклицаний. Здесь, где мы сидели, под деревьями, было темно. Я замолчал. Но эта тишина была невыносима.

– Это было для меня как самоутверждение, – сказал я. – Теория множеств... то, что Миреа и Аверин сделали с наследством Кантора. Вы знаете. Бесконечные, сверхбесконечные величины, непрерывный континуум, мощность... великолепно. Часы, которые я провел над этим, я помню так, словно это было вчера.

– Это не так абстрактно, как вы думаете, – проворчал он. Значит, слушал все же. – Вы, наверно, не слышали о работах Игалли?

– Нет, что это?

– Теория разрывного антиполя.

– Я ничего не знаю об антиполе. Что это такое?

– Ретроаннигиляция. Из этого возникла парастатика.

– Я даже не слышал таких терминов.

– Ну, конечно, ведь они возникли шестьдесят лет назад. Но в общем это был только подход к гравитологии.

– Вижу, мне придется попотеть, – сказал я. – Гравитология – по-видимому, теория гравитации, да?

– Больше. Это можно выразить только математически. Вы прочитали Аппиано и Фрума?

– Да.

– Ну, тогда вам будет просто. Развитие теории метагенов в n -мерной конфигурационно-выраженной системе.

– Как вы сказали? Но ведь Скрябин доказал, что не существует никаких метагенов, кроме вариационных?

– Да. Очень изящное доказательство. Но, видите ли, тут все разрывное.

– Не может быть! Но ведь... ведь это должно было открыть целый мир!

– Да, – сухо согласился он.

– Мне вспоминается одна работа Маниковского... – начал я.

– О, это весьма отдаленно. В лучшем случае... сходное направление.

– Сколько времени потребуется, чтобы пройти все, что вы тут сделали? – спросил я.

Он помолчал.

– Зачем вам?

Я не знал, что ответить.

– Вы больше не будете летать?

– Нет, – сказал я. – Я слишком стар. Я бы не выдержал таких ускорений... и вообще не полетел бы, вот и все.

Теперь мы замолчали основательно. Неожиданный подъем, с которым я говорил о математике, внезапно исчез, и я сидел возле него, ощущая тяжесть своего тела, его ненужную громадность. Кроме математики, нам не о чем было говорить, и мы оба об этом знали. Мне вдруг показалось, что волнение, с которым я рассказывал о благословенной роли математики в полете, было фальшивым. Я сам себя обманывал рассказом о скромном, трудолюбивом героизме пилота, который в провалах туманностей занимался изучением математических бесконечностей. Я заврался. В конце концов чем это было? Разве потерпевший кораблекрушение человек, который целые месяцы мучился в море и, чтобы не сойти с ума, тысячи раз пересчитывал количество древесных волокон, из которых состоит его плот, – разве он мог чем-нибудь похвастать, выйдя на берег? Чем? Тем, что он оказался достаточно сильным, чтобы выдержать? Ну и что из этого? Кого это интересовало? Кому интересно, чем я забивал свой несчастный

мозг на протяжении десяти лет, и почему это важнее, чем то, чем я набивал свои кишки? «Пора прекратить эту игру в скромного героя, – подумал я. – Я смогу себе это позволить, когда буду выглядеть так, как он сейчас. Нужно думать и о будущем».

– Помогите мне встать, – прошептал он.

Я проводил его до глидера, стоявшего на улице. Мы шли очень медленно. В тех местах, где аллея была освещена, нас провожали взглядом. Прежде чем сесть в глдер, он повернулся, чтобы попрощаться со мной. Ни у него, ни у меня в эту минуту не нашлось слов. Он сделал непонятный жест рукой, из которой, как шпага, торчал один из стержней, кивнул, сел, и черная машина бесшумно тронулась. Она отплывала, а я стоял, безвольно опустив руки, пока черный глдер не исчез в потоке других машин. Потом сунул руки в карманы и побрел по аллее, не находя ответа на вопрос, кто же из нас сделал лучший выбор.

Хорошо, что от города, который я некогда покинул, не осталось камня на камне. Как будто я жил тогда на другой Земле, среди других людей; то началось и кончилось раз навсегда, а это было новое. Никаких остатков, никаких руин, которые ставили бы под сомнение мой биологический возраст; я мог позволить себе забыть о его земном эквиваленте, таком противоестественном – и вот невероятный случай сталкивает меня с человеком, которого я помню маленьким ребенком; все время, сидя рядом с ним, глядя на его высохшие, как у мумии, руки, на его лицо, я чувствовал себя виноватым и знал, что он об этом догадывается. «Какой невероятный случай», – повторял я снова и снова почти бессмысленно, как вдруг понял, что его могло привести на это место то же, что и меня: ведь там рос каштан, который был старше нас обоих.

Я не знал еще, как далеко удалось им передвинуть границу жизни, но понимал, что возраст Ремера наверняка был исключительным; он мог быть последним или одним из последних людей своего поколения. «Если бы я не полетел, я был бы мертв уже!» – подумалось мне, и вдруг впервые передо мной обнажилась вторая, неожиданная сторона этого полета, он предстал передо мной как хитрость, как бесчеловечный обман по отношению к другим. Я шел сам не зная куда, вокруг шумела толпа, поток идущих увлекал и толкал меня – и внезапно я остановился, словно проснувшись.

Вокруг царил неопиcуемый хаос; в сопровождении бессвязных криков, под звуки музыки залпами взлетали в небо фейерверки, повисая в вышине разноцветными букетами; пылающие шары осыпались на кроны стоявших вокруг деревьев; все это то и дело перекрывалось многоголосым оглушительным криком и хохотом; казалось, совсем рядом находятся американские горы, но напрасно я искал их глазами. В глубине парка возвышался высокий дом с башенками и крепостными стенами, словно перенесенный из Средневековья укрепленный замок; холодные языки неоновой пламени, лижущие его крышу, ежеминутно складывались в слова ДВОРЕЦ МЕРЛИНА. Толпа, принеся меня сюда, направлялась к пурпурной удивительного вида стене павильона; она представляла собой как бы человеческое лицо; окна служили пылающими глазами, а огромная, зубастая, перекошенная пасть дверей каждый раз открывалась, чтобы под веселый смех и гомон толпы поглотить очередную порцию людей; каждый раз она проглатывала одинаковое количество – шесть человек. Сначала я решил было выбраться из толпы, отойти в сторонку, но это было совсем не легко; к тому же идти было некуда, и мне подумалось, что из всех возможных способов убить остаток вечера этот, неизвестный, вряд ли окажется наихудшим. Одиночек вроде меня здесь почти не было – преобладали парочки, парни и девчонки, женщины и мужчины, их расставляли по двое, и, когда пришла моя очередь нырнуть в белоснежный блеск огромных зубов и разверстый мрачный пурпур таинственной глотки, я оказался в неловком положении, не зная, можно ли мне присоединиться к уже образовавшейся шестерке. В последнюю минуту меня выручила женщина, стоявшая с молодым, черноволосым человеком, одетым, пожалуй, экстравагантнее остальных; она схватила меня за руку и бесцеремонно потащила за собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.